

Ниса. (Не)желанная жена

Автор:

[Екатерина Орлова](#)

Ниса. (Не)желанная жена

Екатерина Орлова

По законам пустыни #3

Она ворвалась в мою жизнь на короткие пять дней и перевернула ее. Свела меня с ума и вскружила голову. Заставила пойти против всех своих принципов и убеждений. Я не собирался спать с ней, но сделал это. Не собирался становиться отцом ее ребенка, но вышло так, что она беременна. Не собирался жениться на ней, но она стала моей женой. Мое персональное проклятие. Моя ведьма. Моя Ниса.

Екатерина Орлова

Ниса. (Не)желанная жена

Она мой личный яд,

И сладкое противоядие в одном флаконе,

Она – мой вожаделенный райский сад,

Она моя горячая агония.

В ней мощь пустыни, сила ветра, горечь слов,

В ней смелые мечты, манящая свобода,

Она пришла из самых жарких снов,

Что видел я с заката до восхода.

©Екатерина Орлова

Глава 1

Она мой личный яд,

И сладкое противоядие в одном флаконе,

Она – мой вожделенный райский сад,

Она моя горячая агония.

В ней мощь пустыни, сила ветра, горечь слов,

В ней смелые мечты, манящая свобода,

Она пришла из самых жарких снов,

Что видел я с заката до восхода.

Омар

Вхожу в кабинет отца, уже подозревая, о чем пойдет разговор. Мы давно обсуждали варианты, как вернуть сестру домой, и что для этого может быть использована младшая Фоули, Ниса. Девчонке едва исполнилось восемнадцать, как и Амуре. Так что отец предположил, что Фоули вполне могут обменять одну

дочь на другую, как обменивают заложников противоборствующие стороны.

– Забирай девчонку, – без лишних приветствий произносит отец, как только за моей спиной закрывается дверь. Его голос тихий, но слова настолько весомы, что могут вызвать приступ паники. Только не у меня.

– И куда ее девать?

– Мне плевать, Омар. Посели у себя.

– Отец, поселить у себя женщину? – я брезгливо оскаливаюсь. В моем доме не будет незамужней женщины. Туда я приведу только свою жену: достойную девушку из хорошей семьи. Покорную и покладистую, которая не будет задавать лишних вопросов или противоречить мне.

– Она должна быть под присмотром.

– У нас много способов оставить ее под присмотром, – продолжаю спорить, присаживаясь в кресло напротив. Смотрю, как отец, положив два пальца на ониковое пресс-папье, раскачивает его пальцами.

– Я никому не доверяю так, как тебе.

– Может, привезти ее сюда? – использую последний аргумент в надежде, что отец изменит свое решение.

– Нет, это слишком очевидное место для нее. Поэтому ты увезешь ее в свой дом в пустыне. О нем никто не знает, никто там не бывает, кроме твоей прислуги. Лучше места и не придумаешь.

Я в ужасе смотрю на него. Мой дом в пустыне – это моя крепость. Место силы, которое напитывает меня, когда я нуждаюсь в этом. Мой особняк окружают дикие барханы, хранящие тайны миллионов лет. Я говорю с пустыней. Я уважаю ее. А она отвечает мне любовью и делится мудростью. Для меня пустыня – это живой организм, моя мекка, которая не дает мне пасть духом.

– Отец...

Кулак отца с такой силой врезается в деревянную столешницу, что, кажется, вибрируют даже стены кабинета. Но ни один мускул на моем лице не дергается. Я привык к разным настроениям шейха Заида. Он бывает суров, бывает в ярости, но никогда эта ярость не распространяется на семью. Потому что семья священна для него. Это его персональная пустыня – источник силы.

– Мои решения не обсуждаются, – негромко произносит он. Но ему и не надо кричать: слишком велик авторитет шейха, чтобы даже предположить, что его план не будет воплощен в жизнь. – Завтра ты летишь за девчонкой. Лично, – последнее слово он цедит сквозь зубы.

Понимая, что спорить уже бесполезно, я молча киваю и со вздохом откидываюсь на спинку кресла, глядя на отца. Он постарел всего за пару дней, стоило этому ирландскому шакалу забрать его дочь. Я решительно настроен вернуть сестру любыми способами. Даже если придется лично перерезать глотки каждому Фоули в этом мире. Амира вернется в свою семью. По правде сказать, изначально я и предлагал просто убить младшего Фоули, устроив, например, несчастный случай, чтобы не портить отношения с их семьей. Но отец отверг эту идею. Что ж, может, выкрасть его дочь – это не такая уж плохая идея.

Ниса

Взбираюсь на скалу и, откинувшись на руки, прикрываю глаза. Улыбка сама собой растягивается на моих губах. Я чувствую, как разгоряченную кожу ласкают теплые солнечные лучи. Мама запрещает мне вот так подставляться под солнце, иначе появятся веснушки. А я люблю их. Они словно поцелуи небесного светила, которым оно отмечает только избранных. Моя подруга Грейс носит шляпы с широкими полями, накидывает на себя тонкие пляжные халаты до пят с длинными рукавами, чтобы ее кожа оставалась белоснежной. А я не понимаю, как можно жить на острове, где большую часть времени светит солнце, и не нежиться в его лучах.

Встаю на ноги, скидываю шорты и, бросив последний взгляд на прозрачную гладь воды, отталкиваюсь от камня и лечу вниз. Вытягиваю перед собой руки, чтобы удачно разрезать воду своим телом, и окунаюсь в ласковую прохладу Карибского моря. Плаваю, пока хватает дыхания и пока мышцы не начинают гореть. Я намеренно не взяла с собой телефон, чтобы никто не помешал моему уединению. Все знают, где и почему я нахожусь, так что не волнуюсь о том, что

меня потеряют. Чувствую себя поистине свободной. Никто не нарушит мой собственный дзен.

Когда мое свидание с морем заканчивается, я снова взбираюсь на ту же скалу и, расстелив коврик, откидываюсь на него спиной. Лежу несколько минут, закрыв глаза, и ловлю ощущения. Стихия, окружающая меня, вдохновляет не меньше, чем люди и разговоры. Шум моря убаюкивает, пока за закрытыми веками линии складываются в фигуры, цвета смешиваются и заполняют пространство. Пальцы непроизвольно дергаются, готовые схватить карандаш и делать наброски, чтобы позже превратить их в буйство красок.

Я уже полностью погружаюсь в свою личную нирвану, как на меня ложится тень. Первые несколько секунд мне кажется, что я просто оказалась под облаками. Но, когда распахиваю глаза, они в ужасе расширяются. Надо мной нависает бородатый мужик, который уже через секунду накрывает мое лицо вонючей тряпкой. Подскакиваю на ноги, но он тут же перехватывает меня за плечи и, резко развернув спиной к себе, снова прикладывает тряпку к лицу. Я пытаюсь крутить головой, изворачиваюсь, пинаю его ногами, как могу, вцепляюсь ногтями в его предплечья. Хочу вспомнить все приемы самообороны, которые давал мне тренер, но, как на зло, в голове пусто. Сама она становится чертовски тяжелой, как и все тело, которое словно наливается свинцом. Сознание медленно плывет, снова демонстрируя мне цветные изогнутые линии, которые теперь почему-то плывут по небу вместо облаков. И в этот момент я погружаюсь в темноту.

Глава 2

Омар

Я внимательно рассматриваю ее. Выросла за эти несколько лет. Когда мы гостили у Фоули, я даже не обратил внимания на мелкую девчушку, едва ли появившуюся дома. И не понимал, как можно позволять девочке бегать в одном купальнике, еще и с этой доской наперевес. Я тоже уважаю серфинг, но любые экстремальные виды спорта были созданы для мужчин, а не для хрупких созданий. Аллах не зря сотворил их именно такими: изящными и уязвимыми, но способными выносить и родить потомство. Место женщины дома с детьми, а не

на высоких волнах.

Когда мы приземляемся, в частном аэропорту нас уже ожидает машина. Мой помощник Бадал спускается по трапу с завернутой в покрывало девушкой и останавливается у джипа. Водитель открывает заднюю дверцу, и помощник укладывает свою ношу на сиденье. После они занимают передние сиденья, а я хмуро зависаю на несколько секунд. Мне что, придется сидеть с ней сзади? Когда она без сознания? Может, еще голову ее себе на колени положить?

Осматриваюсь и понимаю, что машина всего одна, так что выбор у меня невелик. Хочется отругать Бадала, что не предусмотрел второй автомобиль, но это первый раз, когда мы воруем человека. И, надеюсь, последний. Забираюсь в машину, и да, мне на самом деле приходится уложить ее голову себе на колени, потому что у девчонки слишком длинные ноги. Красивые, надо заметить, но я не стану.

- Как долго будет действовать снотворное? - спрашиваю у Бадала.

- Еще пару часов, господин.

- Ты точно вколол то, что не навредит? Мы перед этим усыпили ее хлороформом. Это не влияет?

- Нет, господин, - коротко отвечает Бадал, не поворачиваясь ко мне.

Машина трогается с места и везет нас туда, куда я обещал себе не приводить ни одну женщину еще лет десять. Но пойти против воли отца - значит, нажать себе неприятностей.

Мысли хаотично мечутся в поисках выхода из этой ситуации. Пока мы еще не доехали, есть шанс придумать, куда можно сплавить девчонку. Может, у нас найдется какой-нибудь пустой подвал или квартира? Почему отец не захотел поселить ее в квартире в городе? Приставил бы к ней охрану, и все спали бы спокойно. Но нет, шейх решил, видимо, осложнить мне жизнь.

Опускаю взгляд на девушку и залипаю. Ее лицо скрыто волосами, и мне видны только губы. Пухлые, капризные, манящие. Резко отворачиваюсь, впиваясь

взглядом в пейзаж за окном, но сердце уже разгоняется, а фантазия несет меня на запретную территорию. Прикусываю нижнюю губу, чтобы переключить свое внимание с ненужных мыслей на физический дискомфорт. И, пока я справляюсь со своими демонами, мы уже въезжаем на территорию моего личного рая и паркуемся у входа. А я так и не придумал, куда можно перепрятать нашу пленницу.

Бадал уверенно несет ее по коридору второго этажа, а я следую за ним.

– Куда, господин?

– Камаль, – обращаюсь к слуге, который тенью бредет за нами, – гостевая комната приготовлена?

– Да, господин.

Она всегда готова, только непонятно для кого, у меня здесь не бывает гостей. Не люблю столпотворения, этого мне хватает на всяких встречах и приемах. Мой дом – моя персональная крепость, куда нет доступа посторонним. Да даже мои родные здесь бывали всего раз за те два года, что я здесь живу.

– Сюда, – указываю Бадалу, толкая дверь в гостевую, и даже не задумываюсь о том, что она прямо напротив моей спальни. Позже буду сожалеть об этом, а сейчас я слишком погружен в свои мысли, чтобы рассуждать о таких пустяках. – Камаль, пришли Зухру, пусть присматривает за девушкой, пока не проснется.

Направляюсь к двери и уже собираюсь выйти, но зачем-то оборачиваюсь, чтобы посмотреть, как Бадал укладывает девушку на кровать. И снова мое внимание приковано к длинным стройным ногам. Загорелым, идеально гладким. Сглатываю и, мысленно проклиная себя и ее, выхожу из комнаты.

Войдя в свою спальню, принимаю душ и устраиваюсь на балконе с ноутбуком и телефоном. Прежде, чем набрать отца, окидываю взглядом виды. Один вид. Пустыню.

Кто-то говорит, что пустыня – это адская жара и практически нулевые шансы на выживание. А я скажу, что пустыня – это шаманка, фукара. Она умеет

заговаривать, лечить душевные раны, успокаивать и усыплять. Единожды послушав шорох песочных барханов, ты навсегда полюбишь этот звук, и ничто с ним не сможет сравниться. Потому что в шорохе песка – шепот. Пустыня делится с тобой своими многовековыми тайнами, раскрывает секреты, развенчивает мифы. Она проникает в самую суть человека и не отпускает его уже больше никогда. Будь у меня возможность, я бы не появлялся в больших городах, а вечно находился в пустыне, слушая ее убаюкивающий шепот, и часами наблюдал за тем, как движутся барханы, сменяя пейзаж за окном.

– Омар, – отвечает отец на звонок. – Забрал?

– Да.

– Младший Фоули уже на пути сюда, но мне нужно уехать на пару дней. Поселю его в квартире на окраине. Парни за ним присмотрят, а ты присмотри за его сестрой. Не отходи ни на шаг.

– Отец, я же не нянька! – не выдерживаю, слегка повышая голос. Впиваюсь пальцами в балюстраду. Даже вид безмятежной пустыни не способен меня сейчас успокоить.

– Омар, мне напомнить тебе, что твоя сестра у этих варваров?

– Не стоит. Прости, отец.

– Свяжемся позже, – коротко отзывается он и кладет трубку.

А я сжимаю в руке телефон, практически до хруста корпуса. Меня раздражает, что в моем доме находится посторонний человек, еще и женщина. К тому же та, которая выросла в беспринципном обществе, раз позволяет себе разгуливать по пляжу в этих лоскутах. Ни одна уважающая себя восточная женщина не позволит себе выйти из дома в таком виде. Да что там из дома – из спальни! Из ванной, в конце концов! Не думаю, что наши женщины даже перед мужем предстают в настолько откровенной одежде.

Зачем я сейчас напомнил себе, как выглядела девчонка, когда мы забрали ее с того острова?! Чтобы снова мучиться адской ноющей болью в паху? Поправляю

стояк и устраиваюсь за столом с ноутбуком. Нужно еще столько работы сделать, а я почти весь день потратил на задание отца.

- Господин? – зовет мой слуга из комнаты.

- Я на балконе.

- Господин, ужин готов. Вам сюда подать?

- Я спущусь, спасибо, – отсылаю его и захопываю крышку ноутбука, который только успел открыть.

Одевшись, спускаюсь в столовую, где уже накрывают ужин. Но, как только приступаю к нему, в комнату вбегают испуганная и покрасневшая Зухра.

- Господин, простите, – запыхавшись, тараторит она, прикладывая ладони к горящим щекам. – Простите, что отвлекаю, но там... эта девушка... она проснулась.

- Хорошо. Накормите ее, дайте воды.

- Господин, можно я не буду к ней входить?

- Что случилось?

- Она... она сыплет ругательствами. Да такими! Аллах ее покарает за грязный язык! Совершенно бесстыжая! Ходит по комнате полуголая. Ноги еще слабые, заплетаются, а она хватается за все и говорит эти ужасные вещи. Господин, прошу вас!

Я резко встаю из-за стола, отчего ножки стула проезжают по мраморному полу с грохотом, эхом разносящимся по столовой. Мои челюсти крепко сжимаются, и я мечу гневный взгляд в Зухру.

- Ты оставила ее одну?

– Камаль там, господин.

– С ней?! – рычу я. Не знаю почему, но меня просто разрывает от мысли, что мой слуга любуется на полуголую девицу.

– Нет, господин, что вы? Он снаружи, а она в комнате.

Обойдя Зухру, поднимаюсь наверх, перескакивая по две ступеньки, и быстрыми шагами направляюсь в комнату. Камаль невозмутимо сносит все слова, которые доносятся из гостевой комнаты. А оттуда, надо сказать, складно льется отборная брань, от которой даже у меня волосы встают дыбом. Кивком отсылаю слугу и решительно вхожу в комнату.

Потом, вспоминая все события, я приду к выводу, что эта ирландская ведьма выкопала мне могилу именно в тот момент, когда я открыл дверь в ее спальню. Потому что я еще никогда не видел никого красивее ее. Растрепанная, злая и чертовски сексуальная. Все это совершенно несочетаемо и противоречиво, но так маняще, что я даже теряюсь на мгновение. Если бы можно было просто присесть у двери и любоваться на ее истерику, наверное, я бы так и сделал. Но сейчас ее нужно успокоить и заткнуть ей рот, иначе вся моя прислуга разбежится. Поэтому я делаю шаг в комнату и захлопываю за собой дверь.

Глава 3

Омар

– Ты что здесь устроила?! – рявкаю я, когда она наконец замирает и смотрит на меня все еще мутным взглядом.

– Ты! – шипит ведьма. – Ты сын того... я помню тебя! Ты сын шейха! Брат Амиры, да! Пошел ты...

Мне хочется размахнуться и влечь ей пощечину, чтобы из красивой головки вылетели дурные слова. Из нее льется такая похабщина, что даже я в шоке. Камалю повезло, что он не знает английского, иначе ему вряд ли удалось бы

сохранять такую невозмутимость. А вот Зухре ее образованность вышла боком.

– Замолчи! – прикрикиваю, и она вздрагивает. Но, к счастью, поток брани прекращается. Я с облегчением выдыхаю. – Присядь, ты еще слишком слаба, чтобы так скакать по комнате.

– Верни меня домой! – хрипит она. – Зачем я здесь?

– Поживешь у меня пару дней, а потом полетишь со своим братом домой.

– Я не хочу тут оставаться!

– Тогда твоему брату стоит поторопиться и вернуть мою сестру домой. Как только она приедет, я сразу доставлю тебя к нему.

– Ты больной, да? – спрашивает она. Упирает руки в бока и стоит, покачиваясь.

– Ошибаешься, я как раз здоров, – хмыкаю я. – А вот ты бледная. Присядь.

– Отвали! – рявкает ведьма.

На эмоциях она взмахивает руками и начинает заваливаться назад. Я успеваю перехватить ее за предплечья, не дав упасть, но в этот момент она резко подается вперед и... ее тошнит. Прямо на мою футболку. Я кривлюсь от омерзения и пытаюсь отскочить, но она валится на меня. Тошнота подкатывает к горлу. Это так противно, что мне хочется отшвырнуть девчонку в сторону и уйти отсюда. Но вместо этого я тащу ее в ванную и помогаю присесть рядом с унитазом. Еще и волосы придерживаю, пока ее рвет.

– Камаль! – рявкаю я через несколько секунд. Слуга тут же появляется на пороге ванной и тоже кривится. – Позови Зухру и скажи, чтобы принесла чистую одежду и воду для питья. И пусть уберут в комнате, девушке стало плохо.

– Господин, но где же мы возьмем женскую одежду? – спрашивает он, быстро отводя взгляд от полуголой Нисы.

- У нас мало прислуги женского пола? - я уже выхожу из себя от нерасторопности своего слуги. - Быстро!

Камаль, слегка дернувшись, выбегает из ванной.

Наконец Нису перестает рвать, и она со вздохом упирается локтями в ободок унитаза.

- Уйди, говнюк, - слабо произносит она дрожащим голосом. - Ненавижу всю вашу свору.

Я отпускаю ее волосы и снимаю с себя грязную футболку. Бросив ту на пол, включаю воду в душе. Ниса лениво следит за моими движениями.

- Чем вы меня накачали? Такое ощущение, что я выbleвала по кусочкам свой желудок.

- Прекрати выражаться, - цежу раздраженно.

- А что, тебе можно, а мне - нет? Это что за неравенство такое? - ироничным тоном спрашивает она. - Совсем загнали своих женщин, даже смачно выругаться не позволено.

- Давай в душ, феминистка, - поднимаю ее на ноги, взяв за подмышки, но она слабо повисает на моих руках, словно тряпичная кукла. - Соберись, ты же спортсменка. Давай, я не буду тебя мыть, а у Зухры сил на это не хватит.

- Это бабка, которая обещала мне рот с мылом вымыть и сказала, что ваш бог меня накажет?

- Она.

- Эй! - возмущается девчонка, когда я ставлю ее под струи душа. Она пытается увернуться, но я крепко удерживаю ее на месте. - Отвали, сказала! Пусти, придурок!

- Сейчас я воплощу угрозу Зухры в жизнь.

- Ты извращенец! Долбанный извращенец! Выйди, я сама помоюсь.

- Чего ты смущаешься? Ты так по острову разгуливала.

- Там пляж!

- Представь, что и здесь он. Мойся!

- Не буду!

- От тебя несет рвотой.

- От тебя тоже.

- Твоей!

- Один хрен.

Я крепко сжимаю челюсти, находясь в секунде от того, чтобы не треснуть ей по губам за такие выражения. Как в столь юной девочке может поместиться столько грязи? Словно она страдает синдромом Туретта, и брань в ней просто не держится.

Уже собираюсь плюнуть на все и отойти, но колени Нисы подгибаются, и мне приходится шагнуть в душевую кабину, потому что долго удерживать ее на вытянутых руках я не смогу. Вынужденно прижимаю девушку к себе, чтобы освободить одну руку, из-за чего ее голая спина теперь прижимается к моей голой груди. И между нами только вода. Это какое-то проклятие, потому что, несмотря на испачканную рвотой футболку и то, что минутой раньше она на моих глазах вывернула в унитаз свой желудок, член все равно напрягается от ее близости. Я пытаюсь вызвать в памяти самые неприятные моменты, которые уже успел пережить с ней, но это не помогает.

- Господин, - раздается спасительный голос Зухры за спиной. - Что?.. О, простите!

– Зухра, стой! – выкрикиваю, повернув голову, когда она пытается выбежать из ванной. – Ни с места. Принеси большое полотенце, чтобы завернуть мисс Фоули.

Слышу удаляющиеся шаги прислуги, и снова мы с Нисой остаемся наедине. Казалось бы, Зухра убежала и вернулась всего за несколько минут, а по моим меркам проходит вечность. Потому что то, как доверчиво Ниса жметя ко мне, наконец совсем расслабившись, как крепко держится за мою руку, как пальцы второй сплела с моими – все это выносит меня на новый уровень безумия. Такое ощущение, что это мне вкололи тот препарат, от которого она так тяжело отходит: в голове полнейший туман, а в мыслях только она. И желание ее защищать! Откуда оно могло взяться за несколько минут взаимодействия с самой вульгарной девицей, которую я когда-либо встречал? Даже в доме Акмала, полном проституток, нет ни одной настолько пошлой и сквернословящей. Но и настолько красивой тоже.

Наконец моя спасительница Зухра протягивает мне огромное полотенце. Я разворачиваю Нису лицом к себе, а она, обхватив меня за талию, доверчиво прижимается щекой к моей груди. Сердце срывается и несется на бешеной скорости прямо навстречу катастрофе. Я еще сто раз пожалею, что даже приблизился к ней.

Оборачиваю Нису полотенцем, поднимаю на руки и несу на кровать. Вижу, что ее глаза снова закатываются, и она зевает. Склоняет голову на мое плечо, а руку кладет мне прямоком на сердце, как будто уже присвоила его. Нагло, не спросив.

Укладываю ее на кровать и, не бросив больше ни единого взгляда, иду в свою комнату, а потом снова в душ. Больше не хочу ее видеть! Пускай Фоули забирают своих детей и оставят нас в покое! Вот только интуиция подсказывает мне, что в моей жизни покоя отныне не будет.

Глава 4

Омар

- Господин, это невыносимо, - жалуется Зухра на следующий день. - Она ничего не ест. Все, что мы ей приносим, опрокидывает прямо на ковер! Мне каждый раз приходится его чистить. Совсем ослабла, но и крохи в рот не берет. И снова ругается. О, Аллах покарает меня только за то, что я вынуждена все это выслушивать! - причитает она.

- Ничего не ест? - переспрашиваю, задумавшись.

- Ничего, господин.

- Так ничего и не приносите.

- Как? Она же умрет от голода.

- Проголодается по-настоящему - будет бережнее относиться к еде. Игнорируйте ее и не кормите. Может, это ее перевоспитает, - последнее предложение бормочу задумчиво, а потом упираюсь взглядом в экран телефона, на котором высвечивается имя отца. - Это все?

- Все, господин, - радостно отвечает Зухра и торопится покинуть мой кабинет.

- И Зухра, - зову я, - уберите ковер из спальни.

- Убрать, господин? Совсем?

- Совсем, - киваю и отвечаю на звонок отца. - Слушаю.

- Омар, у нас поставка срывается.

- Что случилось?

- Людей повезли не туда, куда было оговорено. Я вынужден вылететь туда. Присмотри за всем тут, я скоро вернусь.

- Что с Фоули?

– Ждет моего возвращения.

– Папа, – настойчиво зову я.

– Разве девчонка доставляет такие большие хлопоты?

– Нет, – отвечаю то, что совершенно не отражает действительности.

– Тогда на связи. Валид остался здесь, он присмотрит за мамой. Инас с ними.

– Хорошо.

Мы прощаемся, и я откладываю телефон, а сам выхожу на балкон. Тру глаза, в которые словно песка насыпали. Прошлой ночью практически не спал, перед глазами все время стояла эта голубоглазая ведьма, которая бранится хуже самого отстойного рэпера. И так гармонично из нее льется эта грязь, как будто она всю свою недолгую жизнь разговаривает таким образом. Но есть в ней еще что-то... то самое, что манит меня к ней. Иррационально и совершенно не уместно. В ней есть жизнь. Она бьет фонтаном. И снова перед глазами ее разгневанный, но живой взгляд, пухлые губы, вздернутый нос. И фигура, от которой кружится голова. Я привык к женщинам с мягкими, округлыми формами. Эта же... Худая, грудь маленькая, живот плоский, руки тонкие, ребра можно пересчитать пальцами. Казалось бы, смотреть не на что. Но все это придает ей изящества фарфоровой статуэтки. Она такая хрупкая, что хочется укрыть ее собой и оградить от жестокости этого мира.

Такие девочки обычно живут в своем собственном мире. Защищенные и совершенно беззаботные. Уверен, эта именно такая. Наверняка ее отец и брат, знающие, как жестока реальность, сделали все, чтобы уберечь Нису от потрясений. Но мне почему-то хочется защитить ее даже от них. Украсть и спрятать.

Крепко сжимаю балюстраду, чувствуя на пальцах обжигающие лучи солнца. Такие же мысли наверняка были у младшего Фоули по отношению к Амуре, и они же сподвигли его на то, чтобы тайно, словно крыса, утащить мою сестру из родительского дома. Увести из-под носа моего отца. Каким надо быть бесстрашным тупым отморожком, чтобы так поступить? Я разорву этого шакала собственными руками, как только отец позволит мне добраться до него. Хорошо,

что сестра наконец дома, под защитой отца, и младшая Фоули – единственная, кто вносит сумятицу в мою устоявшуюся жизнь.

Я никогда не признаюсь в этом отцу, но, откровенно говоря, как бы сильно ни ненавидел Малоуна за этот поступок, так же сильно я его за это и уважаю. Он не побоялся противостоять нашей семье, а это дорогого стоит. Думаю, отец тоже уважает его за это. Но факт бесстрашия Малоуна Фоули не отменяет того, что он оскорбил нас своим поступком.

Возвращаюсь в дом и сразу поднимаюсь в свою спальню, чтобы немного отдохнуть. Проходя мимо гостевой, останавливаюсь ненадолго. Сердце почему-то начинает биться быстрее, а кожа на руках покрывается мурашками. Хмыкаю. Это какая-то глупая реакция на присутствие женщины в моем доме. Самое отвратительное во всем этом, что я ненавижу гостей. Меня раздражает любой, кто переступает порог этого дома. Но почему-то мне все же спокойнее, когда Ниса здесь, а не под присмотром охраны в какой-нибудь квартире. Что, если бы этой ненормальной взбрело в голову разбить окно и попытаться сбежать с двадцатого этажа? Даже думать страшно о последствиях.

Просыпаюсь я, уже когда на улице темно. Чувствую себя еще более разбитым, чем до этого. Мама всегда говорит: «Поспишь на закате – будешь мучиться от головной боли». Наверное, в этих словах есть некая правда. Голова у меня почти никогда не болит, но сейчас она настолько тяжелая, что я едва отрываю ее от подушки.

К счастью, в это время обычно дом уже пуст. В моем доме нет охраны. Ночью в нем обычно вообще, кроме меня, никого нет. Прислуга уезжает с закатом, а нападения я не боюсь. У меня сигнализация стоит по периметру двора, есть собаки и куча оружия в доме. Отец у себя перестраховывается, потому что он все время на виду. К тому же, у него в доме моя мама и мои братья с сестрами. Мне же охранять некого, кроме себя.

Спускаюсь вниз проверить сигнализацию и выпустить собак из вольера, но притормаживаю на последней ступеньке, когда слышу шорох на кухне. Некому там шуршать, кроме моей невольной гостьи. Неужели вышла из своей комнаты?

Заинтересовавшись, захожу на кухню и, прижавшись бедром к кухонному островку, наблюдаю за попкой, торчащей из-за открытой двери холодильника.

Значит, надевать нормальное платье одной из служанок она не захотела, зато, кажется, залезла в мой гардероб. Потому что на Нисе моя футболка и... мои боксеры. Интересно. И чертовски сексуально.

Она шуршит чем-то в холодильнике. Слышу, как открывает контейнеры с едой, которые мне оставляет повар, приходящий дважды в неделю. Как откручивает крышку бутылки с молоком или соком, как жадно и громко глотает. Даже я сглатываю, как будто меня невероятно сильно мучает жажда. Хотя она есть, но совсем не в традиционном смысле. Прохожусь взглядом по длинным, стройным ногам, усиливая свою агонию. Мне бы к Акраму съездить, а не пялиться на эту ведьму.

- Вкусно? - спрашиваю, когда мне надоедает просто стоять.

Ниса дергается и ахает от шока, после чего тихонько ругается себе под нос. Медленно закрывает холодильник, держа в одной руке бутылку молока, а во второй - кусок пирога. Инжирный, мой любимый. Ведьма, даже тут влезла туда, где не просто моя территория, а то, что дорого моему сердцу.

Она прищуривается и смотрит на меня с ненавистью. А потом демонстративно откусывает от пирога и жует. Кусок едва помещается в рот, но она упорно работает челюстями. Я усмехаюсь. Непонятно, зачем устраивать этот цирк? Хотя она еще ребенок, что с нее взять?

Я тоже прохожу к холодильнику, достаю контейнер с пирогом и, приподняв бровь, смотрю на Нису.

- Молоком придется делиться, это последняя бутылка.

Эта ведьма демонстративно делает несколько больших глотков, а затем, отложив пирог на стол, подходит к раковине и, подняв руку с бутылкой повыше, начинает выливать молоко. Подлетаю к ней и перехватываю бутылку.

- Ты совсем безмозглая? - рычу на нее. Завтра, когда прислуга в очередной раз пополнит запасы в холодильнике, мне будет не жалко этого молока, но ехать за ним ночью я не имею ни малейшего желания.

Ниса небрежно пожимает плечами и проходит мимо меня. Я оборачиваюсь ей вслед, и тут эта... паршивка поддевает рукой открытый контейнер с пирогом, из-за чего тот летит на пол. Конечно, пирог вываливается.

Подлетаю к ней, хватаю за локоть и реву прямо в лицо:

– Успокойся!

Она отскакивает, открывает холодильник, и в меня летит бутылка с соком. Хорошо, что пластиковая. Я перехватываю эту ненормальную и оттягиваю от холодильника, но она успевает подцепить тарелку с сырной нарезкой и швырнуть ее на кафель. Тарелка разлетается, как и сыр. Я резко разворачиваюсь и, подхватив Нису за талию, усаживаю ее на стол, вклиниваясь ей между ног. Зажимаю ее руки за спиной, заставляя выгнуться. Мы впиваемся друг в друга злыми взглядами, а в следующее мгновение мой невольно скользит к ее губам.

Глава 5

Ниса

Время замирает. Пылинки, кружащие вокруг нас, останавливаются. Все звуки стихают.

Между нашими губами расстояние не больше десяти сантиметров. В глазах – искры, которые потрескивают где-то в глубине головы подобно шипучей карамели.

Жар медленно расползается по телу, облизывая пылающими языками каждый сантиметр плоти, начиная с низа живота и поднимаясь все выше. Медленно, словно мучая меня.

Дыхание учащается, как и сердцебиение. А пальцы Омара неспешно гладят мои.

Что между нами происходит? И почему? Я ненавижу его, но почему-то позволяю этому моменту случиться. Более того, ловлю себя на том, что невольно подаюсь

немного вперед, как будто тянусь к нему. Всего на пару сантиметров, но, уверена, он это замечает, потому что и сам склоняет голову ниже. Еще немного ниже.

Мы зависаем, тяжело дыша и ощущая горячие выдохи на губах друг друга. А потом он резко отстраняется. Подхватывает меня за талию и выносит из кухни, в которой пол покрыт осколками. Он и сам босиком, но, кажется, Омару на это наплевать. Ставит меня на выходе из кухни и делает шаг назад. Сейчас Омар выглядит так, словно чертовски зол на меня. Челюсти крепко сжаты. Сочетание черной бороды, лысой головы и нахмуренных бровей делает его устрашающим. Не таким устрашающим, типа «бу-у-у» на Хэлоуин, а офигенно устрашающим, до мурашек вдоль позвоночника. Я тоже отступаю на шаг. Как бы мне ни хотелось и дальше провоцировать этого мужика, кажется, сейчас лучше тормознуть. А с другой стороны...

Прищуриваюсь и ставлю руки в бока.

– Ты отвезешь меня домой?

– Нет, – коротко отвечает он.

– А почему ты тормознул?

– В смысле?

– Не поцеловал меня?

– Я не целую неверных, – тихо цедит он сквозь зубы, подавшись немного вперед. На его лице гримаса брезгливости, и у меня чешется ладонь, так хочется вмазать по его самодовольному лицу.

– О, так ты, прежде чем трахнуть девушку, спрашиваешь, какой она веры, да? – знаю, что провоцирую. Знаю, что тыкаю палкой в медведя. Но, может, так он быстрее взбесится и отправит меня домой?

Омар выпрямляется и смотрит на меня, как на назойливую муху.

Знаете, бывает такое, что люди окидывают тебя взглядом, и ты понимаешь, что не ровня ему? Да, я выросла на больших деньгах и все такое, но есть люди... Надменные и с огромными достижениями в жизни. Например, мой кумир Войцех Бабски. Шикарный художник, умеющий красками передать эмоции. Вот он мог бы смотреть так на меня, и я бы вместо ярости испытывала благоговение. Потому что он же практически небожитель с нереальным талантом. А чего добился этот? Работает на папочку, занимается наверняка какой-то фигней вроде управления каким-нибудь отделом. В общем, сидит своей накачанной задницей на теплом стуле, не напрягаясь. Без таланта и без достижений. Просто удачно родился. Так что этот его взгляд ни хрена меня не трогает, только раздражает до дрожи.

- Ты отвратительна, - кривится он.

- О, правда? Проверим?

Я в бешенстве, поэтому совершаю самый идиотский поступок в своей жизни: срываю с себя футболку и боксеры, которые нашла в шкафу Омара, и отбрасываю все это в сторону. Он пялится ровно секунду, после чего резко обходит меня и, громко хлопнув дверью напоследок, покидает дом.

Стою в замешательстве. Я правда ему настолько противна? Мне много раз говорили о моей привлекательности, а тут вдруг какой-то... медведь ясно дает понять, что я уродлива? Даже моя нагота не заставила меня почувствовать себя настолько обнаженной, как одолевающие сейчас эмоции. Как будто вместе с вещами я содрала с себя кожу.

Быстро наклоняюсь и, подхватив одежду, несусь назад в отведенную мне комнату, на ходу натягивая вещи. Так неудобно я себя еще никогда не чувствовала. Даже когда позорно свалилась с доски перед понравившимся мальчиком, когда училась в старшей школе.

Войдя в комнату, шагаю напрямик на балкон. Мне противно от своих идиотских поступков и хочется исчезнуть. Но все же мне нравится провоцировать Омара. И кажется, что таким поведением я буду подталкивать его отправить меня домой как можно скорее.

Подходя к балюстраде, слышу его голос. Он разговаривает на арабском. Мне бы злиться и ненавидеть его, но я, как зачарованная, двигаюсь к краю, чтобы четче услышать, что он говорит. Когда мы общались на английском, его голос звучал резко. А сейчас он говорит с такими мягкими, я бы даже сказала ласковыми интонациями, что это завораживает. Словно общается с любимой женщиной. По коже невольно разбегаются мурашки.

Присаживаюсь прямо на теплый пол у стеклянной балюстрады и смотрю вниз на задний двор. Здесь нет газонов, к которым я привыкла, только песок. По периметру растут пальмы, здесь есть гамак и даже маленький столик, но больше ничего. Странно это. Вокруг и так слишком много песка, мог бы устроить себе небольшой оазис.

Присмотревшись, понимаю, с кем он разговаривает. По песку, поднимая столпы пыли, носятся четыре собаки. Мне плохо видно, но, кажется, это питбули. Папины любимцы. От одной этой мысли внутренности сжимаются. Я хочу домой, в привычную обстановку, где меня не удерживают насильно.

Подтягиваю горловину футболки к носу и глубоко вдыхаю. Как бы ни бесил меня Омар, его запах почему-то успокаивает. Снова перевожу на него взгляд. Он играет с собаками и смеется. Да-да, смеется! Этот жестокий, хладнокровный медведь на самом деле смеется. А я опять чувствую горячие языки пламени, лижущие мое тело. Совсем как на кухне.

Омар берет длинную палку и слегка наклоняется. Две собаки хватают ее зубами с разных концов, и он поднимает эту палку вверх. Мой рот непроизвольно открывается, когда собаки повисают в воздухе. Сколько же силы в этом мужчине? Если отбросить то, как он меня раздражает, вынуждена признать, что он невероятно силен и привлекателен. Я бы даже сказала, что он ходячий секс. Чертовски горячий. Из той категории мужчин, у которых очень сильно мужское начало. В нем нет ничего от лощеных современных парней. Омар как будто только вчера вышел из пещеры и точно знает, как заполучить женщину и заставить ее чувствовать себя так, словно она была рождена только ради того, чтобы служить ему. Откуда я это знаю? Да все стратегически важные части моего тела изнывают сейчас! Женщины чувствуют такое на расстоянии.

Я перестаю дышать, когда Омар, опустив собак и позволив им резвиться с палкой, поднимает голову. Уверена, он смотрит прямо на мой балкон. Хвалю себя, что не включила свет, когда вошла в комнату, иначе сейчас была бы

поймана на горячем.

Зачем я вообще слежу за ним? Ответ кроется в тех самых ноющих частях тела. Мне кажется, я просто не могу отказать себе в запретном удовольствии. Трахнуть бы его... Интересно, он бы согласился?

Глава 6

Омар

Я просыпаюсь, слыша шуршание рядом с собой. Распахиваю глаза и в темноте различаю хрупкую фигуру, которая вероломно пробирается под мое одеяло. Хмурюсь, прогоняя морок сна.

- Ты что здесь делаешь? - рычу негромко.

- Плохой сон приснился, - как ни в чем не бывало отвечает Ниса. Словно я приглашал ее сюда, если вдруг она будет плохо спать. Странная и бесаячая девушка.

- Включи свет и спи с ним.

- О, правда? Можно? - оживает она, и на прикроватной тумбочке загорается светильник. Я щурюсь.

- Не здесь! В своей комнате.

- О, я не могу там спать, - отвечает она, снова гася свет. - Знаешь, думаю, это из-за того, что вы сильно накачали меня каким-то дерьмом, и теперь я выспалась на неделю вперед. Чем займемся?

- Займемся? - переспрашиваю растерянно. Она правда только что спросила такое? - Мы ничем не будем заниматься. Я собираюсь спать. А ты собираешься вернуться в свою комнату. А там... включи телевизор, почитай книгу, сделай

зарядку. Мне все равно.

– Тебя разве не должны были научить манерам? Ты же рос в такой семье. Светские люди и все такое. Наверняка должен знать, как развлечь девушку.

– Лучше бы меня научили выкидывать неудобных из своей постели, – бурчу я, зевая.

– А, ладно, спи. Я тоже попытаюсь.

Я еще несколько секунд думаю о том, что надо, наверное, встать и вынести ее из своей спальни насильно. Потом запереться на замок и спокойно спать. Но пока размышляю обо всем этом, неожиданно засыпаю. А в следующий раз просыпаюсь от того, что мне невероятно жарко и... очень приятно ниже пояса. Стону от удовольствия, а через секунду резко открываю глаза, когда слышу на ухо шепот:

– Я знала, что у тебя должен быть выдающийся...

Резко отбрасываю женскую руку от своего паха и сажусь на кровати. Тру лицо и бросаю гневный взгляд на возмутительницу спокойствия. Она смотрит на меня невинным взглядом, хлопая длинными ресницами.

– Чего ты так всполошился? – спрашивает Ниса. – Никогда не было утреннего секса?

– Возвращайся к себе, – рычу я, готовый схватить ее за тонкую шею и переломить ту пополам, просто чтобы нормально выспаться.

Ниса фыркает, поджимая губы, и встает с кровати, а я вынужден отвернуться. Она уже успела раздеться и снова бродит по моему дому голая. Я быстро прикидываю, который час, потому что за окном уже начало светлеть, и прислуга вполне может быть на своем месте. Но не успеваю даже сделать замечание этой сумасшедшей, как она выскальзывает из комнаты, и следом раздается хлопок двери в гостевую. С тяжелым вздохом откидываюсь на подушку и закрываю глаза. Вчера был адский день, и сегодняшней, судя по всему, будет не легче.

Еще немного полежав в кровати, понимаю, что не усну. Потому что воспоминания о тонких пальцах, сжимающих мою твердую плоть, все никак не хотят покидать меня. Если все продолжится в том же духе, то я осуществлю ее желание и возьму ее. Но это будет уже совсем не нормально. Я не могу спать с одной из Фоули. К тому же, она совсем еще девочка. Юная, как наша Амира. Я сокрушался по поводу того, что этот зарвавшийся придурок Малоун посмел ее выкрасть и жениться на ней без согласия семьи, а сейчас подумывал поступить так же. Ладно, почти так же. Я бы ни за что на такой девушке не женился. Поэтому, чтобы не искушать судьбу на такой исход, я не стану с ней спать. Ни за что. Хотя, если признаться самому себе честно, я бы... Нет! Точно нет!

Позже завариваю себе кофе и выхожу на свою террасу встречать рассвет. Удобно устроившись в подвесном кресле, упираюсь ногами в балюстраду и смотрю вдаль. Пустыня снова заставляет меня влюбиться в нее. Внезапно проскальзывает мысль о том, что Ниса напоминает мне пустыню. Такая же свободная, необузданная и, думаю, жестокая. Есть в ней нечто, что выдает ее крутой нрав. Она вчера ясно дала понять, что совсем не похожа на покорных кротких девушек, воспитанных среди этих песков. Ниса скорее амазонка, готовая скакать на лошади через пустыню, чтобы даже просто почувствовать эту свободу.

Вспоминаю о лошадях. Нужно сегодня посетить конюшни. Я давно не объезжал Ворона, он наверняка ждет. Улыбаюсь, думая о своем скакуне и о кобыле, которая все время рядом с ним. Красотка – полная противоположность Ворона. Белая, своенравная и вечно чем-то недовольная. Работникам конюшни приходится объезжать ее трижды в день, потому что она не может спокойно устоять в стойле. Усмехаюсь. Кого-то мне это напоминает.

А потом резко отодвигаю чашку от себя. Я не стану симпатизировать заносчивой, грязноротой Фоули!

Спустя час, когда я уже сижу в своем кабинете перед ноутбуком, дом оживает. Из кухни доносятся приятные ароматы, и желудок урчит от голода. Проснувшись, я не смог заставить себя съесть хоть что-нибудь, а сейчас готов проглотить слона. Это все утренняя тренировка, а белковый коктейль меня практически не насытил. Только почему-то я все равно сбежал из кухни как можно быстрее, так и не позавтракав. Каждый уголок этого помещения теперь будет напоминать мне о том, как я чуть не поцеловал младшую Фоули. Отказываюсь называть ее по имени даже в собственной голове.

Зухра вносит завтрак в мой кабинет.

- Доброе утро, господин. Камаль сказал, что завтракать вы будете на балконе кабинета.

- Да, спасибо, Зухра.

- Вы накормили собак, господин, – констатирует она, проходя мимо.

- Проснулся рано.

- Бессонница? Могу приготовить для вас чудесное средство...

- Я справлюсь, спасибо, – резковато обрываю ее заботу.

Слышу, как она расставляет тарелки на столике. Нужно идти завтракать, потому что уже через час солнце будет нещадно жечь, и спокойно поесть не получится. Выхожу следом за служанкой и присаживаюсь в кресло.

- Девушку покормили? – спрашиваю.

- Снова опрокинула еду. Она же так и умереть может, господин, – сокрушается Зухра, прижимая к себе поднос.

- Не волнуйся, она компенсирует ночью.

- Что это значит?

- То, что тебе не нужно волноваться.

- А... хорошо, господин, – отвечает она и выходит из кабинета, оставляя меня завтракать наедине с пустыней.

В конюшне оживленно. Лошадей чистят, выводят на прогулку, расчесывают. Работники почтено здороваются со мной и возвращаются к своим обязанностям,

пока я уверенным шагом следую к стойлу своих любимчиков.

– Красотка, – улыбаюсь, поглаживая лошадь. Она доверчиво тычется носом мне в руку, а я поднимаю вторую и позволяю ей забрать с моей ладони свежую морковку. – Соскучилась, девочка?

Перехожу к Ворону. Он фыркает и бьет копытом. Мощный черный красавец, от которого веет силой. Его сдерживаемая, контролируемая энергия распространяется на всю конюшню. Даже просто войдя сюда, можно угадать, какой конь здесь главный.

– Ну привет, друг мой. – Ворон терпеливо ждет, пока я поглажу его, спокойно съедает морковку с моей ладони и так же невозмутимо дожидается, пока я накину на него сбрую. – Пойдем покатаемся.

Вывожу коня на улицу, и он бьет копытом, поднимая столп пыли, пока я надеваю гутру и закрепляю ее игалем. Как только голова покрыта, вскакиваю в седло, и мы с Вороном мчимся по пустыне. Он скачет, подгоняемый ветром, а я прижимаюсь к его шее и наслаждаюсь скоростью. Никогда Ворон не следует по проторенным тропам, каждый раз выбирая неизведанные пути и исследуя новые горизонты. В этом мы с ним похожи. Нам обоим не хватает свободы и немного безумия. Мы оба упрятаны в рамки, которые не можем нарушить.

Вдоволь наскакавшись, назад Ворон бежит спокойной рысью, позволяя мне насладиться раскаленным воздухом пустыни. Из-за нещадно палящего солнца линия горизонта преломляется. Где еще, в какой точке мира можно увидеть такое? Я побывал во многих местах нашей планеты, но нигде нет этого очарования. Этого сумасшедшего ощущения, которое дает пустыня.

Домой я возвращаюсь ближе к вечеру, успев вернуть Ворона в стойло и съездить в город, где решил пару вопросов. Принимаю душ, переодеваюсь в спортивные штаны с футболкой и спускаюсь вниз, чтобы поужинать. Но не успеваю дойти до кухни, как со второго этажа слышится крик Зухры:

– Господин! Камаль! Она сейчас упадет! Она же убьется!

Я резко срываюсь с места и несусь в комнату Нисы.

Глава 7

Омар

Оббегаю Зухру и врываюсь в комнату Нисы.

- Где она?

- На балконе! - выкрикивает мне в спину служанка.

Я бегу туда и замечаю только тонкие пальцы, намертво вцепившиеся в перегородки под балюстрадой. Наклоняюсь вперед. Ниса, зажмурившись, свисает с балкона. Я вижу, как по ее щекам текут слезы, а челюсти крепко сжаты. Пальцы побелели от напряжения.

- Безголовая, - рычу я и несусь на улицу. Поднять ее сверху не получится, только поймать снизу. Оббегаю дом и становлюсь ровно под балконом, откуда вот-вот упадет эта сумасшедшая. - Отпускай! - выкрикиваю я. Расстояние до земли не такое уж и большое, но мраморный настил гарантирует перелом конечностей. - Прыгай, Ниса!

- Нет! Я разобьюсь!

- Я поймаю тебя!

- Нет!

- Я не дам тебе упасть, обещаю!

- Ты меня ненавидишь!

- Не настолько, чтобы дать тебе умереть. Прыгай же!

– Моя смерть будет на твоей совести, а если я стану инвалидом, ты всю жизнь будешь моей сиделкой! Поклянись!

Закатываю глаза от раздражения, но все равно киваю.

– Клянусь. Давай! На счет три. Раз, два, три!

Ниса наконец отпускает перекладины и летит прямиком на меня. Я смотрю на это, словно в замедленной съемке. Темные волосы взмываются вверх, тело расслаблено, руки подняты. Через какую-то секунду она падает мне в руки, и я едва удерживаю равновесие. Ниса легкая, как пушинка, но на скорости ее вес кажется гораздо больше.

Она вцепляется в меня мертвой хваткой. Обнимает за шею и, прижавшись носом к коже, начинает плакать. Так горько, что это разрывает сердце. Странное ощущение сочувствия и желания защитить снова поднимается во мне горячей волной, оглушая. Ни к кому, кроме членов своей семьи, я не испытывал такого.

Молча несу ее в комнату, желая как можно скорее избавиться от своей ноши. Мне не нравятся чувства, которые я испытываю, и тот трепет, который во мне вызывает эта ведьма. Она будто обладает какой-то суперспособностью пробуждать во мне дремлющие чувства, первобытные инстинкты. Я не хочу этого, мне так спокойно и хорошо жилось до этого.

Укладываю ее на кровать, но Ниса никак не хочет отпускать меня. Ловлю себя на том, что про себя то и дело называю ее по имени, чего намеревался никогда не делать. И все равно оно прорывается сквозь мои мысли, делая эту девушку более реальной, как бы мне ни хотелось игнорировать ее существование. Больше она не дочь Фоули, не безмозглая амазонка, а вполне себе реальная молодая женщина, с мыслями и чувствами. Seriously, Омар?! Теперь ты будешь заботиться о чувствах пленницы?!

Грубо сбрасываю ее руки и ухожу. Злой на нее и на самого себя. А еще на то, что внутри меня все переворачивается, когда из комнаты, дверь в которую я решительно закрываю за собой, раздаются сдавленные рыдания.

Вечером открываю вольер и коротким свистом призываю собак вырваться на свободу. Они крутятся вокруг ног, повизгивая от нетерпения. Присаживаюсь и

позволяю им тереться об меня, пока хлопаю их по гладким мощным бокам, глажу короткую шерсть, треплю квадратные морды.

– Идем, – зову их за собой. – Вперед! – бросаю длинные палки, которые захватил с крыши вольера, и собаки, словно обезумевшие, несутся к ним. Долго крутятся, чтобы встать мордами ко мне и принести палки назад. Я забавляюсь, глядя на то, как они рычат друг на друга, виляя из стороны в сторону и пытаюсь ухватить свою добычу. Наконец, завладев палками, несутся по очереди ко мне, чтобы играть дальше.

Вымотавшись, поднимаюсь к себе и, приняв душ, укладываюсь спать. Недосып прошлой ночью и активный день сказываются на моем состоянии. Я невероятно устал, зато мысли очистились, вытолкнув из головы воспоминания о младшей Фоули.

Ночью я снова просыпаюсь от постороннего присутствия. Первый порыв – выхватить из пространства между каркасом кровати и матрасом пистолет, но потом вспоминаю, что в моем доме гостя.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю, не открывая глаз.

– Мне страшно, – шепчет Ниса.

– Включи ночник.

– Не помогает, – всхлипывает она. О, нет, только не это! Неужели я неправильно ее считал, и она вовсе не воинственная амазонка, а обычная сопливая девочка?

– Включи весь свет в комнате, только уйди.

– Я знаю, что ты не рад мне, – быстро говорит Ниса и снова нагло пробирается под мое одеяло. – Но я не просила привозить меня сюда. Может, отправишь меня домой, чтобы я перестала тебе докучать?

– Нет.

– Тогда тебе придется терпеть мое присутствие в своей постели.

– Я могу пойти спать в гостевую.

– Я и туда приду. Не могу оставаться одна. Как только закрываю глаза, мне кажется, что я снова лечу на мраморный пол, только тебя там нет. Понимаешь? – снова раздражающий всхлип. Но я злюсь не из-за него, а из-за того, что тело невольно отзывается: внутренности опять сжимаются.

– Ладно, спи.

Чувствую, как она устраивается на подушке и заворачивается в одеяло. Пока крутится, задевает меня ногой. Холодной, как у лягушки. Отодвигаюсь немного дальше. Наконец Ниса затихает, а я погружаюсь в дремоту. Но безмятежно проспать всю ночь, судя по всему, мне не суждено с этой ведьмой.

– Омар, – зовет шепотом. Молчу, делая вид, что уже глубоко сплю. – Омар! – настойчивее.

– Что? – тяжело вздыхаю.

– Я знаю, тебе не понравится моя просьба, но не мог бы ты меня обнять?

Я перестаю дышать и замираю на мгновение. Она это серьезно? Правда попросила меня обнять ее?!

– Нет.

– Тогда можно я тебя обниму? Понимаешь, когда мне страшно, чтобы успокоиться, мне нужно прикасаться к кому-то.

– Прикоснись, – сдаюсь наконец, потому что невероятно сильно хочу спать. – Но не обнимай. Просто прикоснись.

И снова перестаю дышать, чувствуя, как ее ладонь скользит по простыни, пробираясь ближе. Ниса поворачивается и наконец прикасается ко мне. Ее пальцы легонько проскальзывают в мою открытую ладонь, сплетаясь с моими. Между нашими руками искрит так, что, кажется, одеяло сейчас воспламенится.

По низу живота прокатывается жар, а член оживает, настойчиво упираясь в пижамные штаны. Сейчас я радуюсь, что лежу на животе, отвернувшись от Нисы. Потому что даже в темноте она бы с легкостью увидела мое желание. Вернее не мое, а скорее просто зов плоти. Плоть ведь слаба, правда? В отличие от нее моя голова способна понять, что Ниса – это плохая идея.

Когда чувствую, что она немного расслабилась и не собирается двигаться дальше, снова позволяю себе медленно погрузиться в дрему. Правда, грохочущее сердце не сильно этому способствует. Нервная система дает сбой, и я четко это понимаю по вспышкам за закрытыми веками. Удастся ли мне поспать хоть сегодня?

Сквозь сон чувствую, как ладонь Нисы двигается выше, очерчивая мышцы моей руки, пока не добирается до плеча. Едва успокоившееся сердце снова заходится в неровном, рваном ритме. Я хочу Нису. Хочу просто до зубовного скрежета. Сам не понимаю, почему и зачем, но жажду подмять ее под себя и взять. Грубо и быстро. Не хочу ее ни смаковать, ни ласкать. Просто взять, как животное. Но не стану.

Только вот пальцы, которые настойчиво скользят дальше, не дают мне покоя. Гладят мое плечо, пробираются к затылку, практически невесомо ласкают гладковыбритую кожу головы. А потом внезапно легонько перебирают мою бороду, и там и остаются, сама же Ниса тут же расслабляется. Я сжимаю губы, потому что на них рвется улыбка. Странная эта ведьма. Успокоилась тем, что зарылась в мою бороду. После чего она облегченно выдыхает и наконец засыпает, как и я.

Глава 8

Омар

– М-м-м, – тихонько стонет Ниса, и я просыпаюсь от этого звука.

Первые несколько секунд не понимаю, что происходит. А когда до меня доходит, я в ужасе замираю. Мы лежим в позе ложки. Я бы даже сказал, что я смял Нису в

эту позу, потому что ее голова покоится на моей левой руке, попа прижата к моему паху, и член настырно толкается между маленьких, упругих половинок. Ее ноги зажаты между моих, а правая рука... отдергиваю ее от груди Нисы и пытаюсь отодвинуться, но она перехватывает ее своей и возвращает на место.

Спросонья никак не могу сообразить, как вести себя в этой ситуации. Убегать или взять то, что так любезно предлагают? Член твердый, как камень, но это не утренняя проверка системы, нет. Это желание, которого не должно быть. По крайней мере, не к ней. Но тело просится именно в нее. Погрузиться во влажный жар, подмять под себя. Ворваться на всю длину и долбиться, пока не потеряю сознание.

По мере пробуждения осознаю, что между пальцами зажат твердый сосок, который я зачем-то сжимаю. Ниса выгибает спину, и у меня в паху нещадно ломит от желания. Мозг отчаянно вопит прекратить это, но пальцы, не подчиняясь ему, упорно продолжают перекачивать твердую горошинку. Губы скользят по затылку, спускаясь на шею. Шумно выдыхаю, когда наконец полностью просыпаюсь, и откатываюсь на свою половину кровати.

Мы оба не спим. Я понимаю это по частому, поверхностному дыханию Нисы, когда смотрю на ее спину. Провожу ладонью по лицу и крепко сжимаю челюсти. Помешательство какое-то.

– Я иду в душ, а, когда выйду оттуда, ты уже должна покинуть мою комнату.

Поправляю стояк и поднимаюсь, направляясь в ванную. Надо ехать к Акмалу, иначе я все же наброшусь на младшую Фоули.

Но вечером, после напряженного дня в городе, я возвращаюсь домой, найдя дурацкую причину не ехать к доступным женщинам. Якобы это будет некрасиво по отношению к моей гостье. Пока веду машину, издеваюсь сам над собой, высмеивая собственную слабость. Но все равно паркуюсь у въезда в гараж и вздыхаю, облокотившись на руль. Смотрю на дом. Моя крепость превратилась в пристанище ведьмы, в место моей слабости. Я всегда любил возвращаться сюда, а сейчас у меня смешанные чувства: я хочу войти, но вместе с этим жажду сбежать, только бы не видеть ее и не слышать. И не хотеть.

– Что-то происходит, – говорит отец, когда я, закрывшись в своем кабинете, набираю его.

– О чем ты?

– У меня стойкое ощущение, что Фоули затеял какую-то игру. С поставкой от него тоже что-то непонятное. Казалось бы, все как обычно, но перевозчик ведет себя странно. Сейчас выясню. Свяжись с Валидом, скажи, пускай проверит всех, кто повезет товар через пустыню. Я уже подумываю о том, чтобы вернуться к услугам бедуинов.

– Отец, в двадцать первом веке? – иронично замечая я.

– Омар, а какие у нас варианты? Ты же понимаешь, что это, по крайней мере, надежно.

– Но дольше.

– Это факт.

– Давай пока не будем торопиться. Люди доехали?

– Еще нет. Ты же знаешь, машины могут передвигаться только по ночам.

– Тогда давай не торопиться с выводами, а решать проблемы по мере их поступления. Как мама?

– Все еще в шоке от поступка Амиры. Ты говорил с сестрой?

– Немного в дороге. Я пока не готов обсуждать ее брак.

– Не будет никакого брака.

– Он уже есть.

– Я переломаю каждую кость в теле этого... шакала, – рычит отец. – Мне пора, – добавляет он внезапно и обрывает связь.

Чувствую, как закипает кровь внутри. Каждый, кто носит фамилию Фоули, теперь для меня практически враг. Вскрываю с кресла и решительным шагом выхожу из дома. Теперь у меня появился повод исчезнуть отсюда.

– Камаль, выпусти собак, как будешь уходить, – бросаю ему, подходя к гаражу. – Предупредите нашу гостью, что здесь разгуливают четыре питбуля, если у нее возникнет желание сбежать. Я скоро вернусь.

– Хорошо, господин, – коротко отвечает он и почтено склоняет голову.

Прыгаю в машину и выезжаю в пустыню. Думал, она, как обычно, успокоит меня, но почему-то только сильнее заводит. Неудовлетворенность, вибрирующая в теле, смешивается с яростью и впрыскивается в кровь, словно убойная доза адреналина. Сегодня я не еду, наслаждаясь видами барханов, а мчусь, чтобы выпустить скопившуюся адскую энергию. Она сотрясает мое тело, выплескивается из меня. Мне кажется, я даже могу чувствовать потрескивание на кончиках пальцев. В голове смешались причины моей ярости: Ниса, Амира, неутоленная жажда и похоть. Еще и эти проблемы с бизнесом. Впервые в жизни я искренне надеюсь, что проблему решит отец. Потому что, если в это вступлю я, могу наломать дров на эмоциях, а это в бизнесе неприемлемо. Тем более, в таком, как наш.

Дверь в квартиру, в которой находится Малоун, я толкаю настолько резко, что она, ударившись о стену, отскакивает обратно на меня. Охранники, стоящие у входа, предусмотрительно отступают в стороны. Слышу щелчок замка за спиной, когда вхожу в квартиру. И вся моя решимость и ярость понемногу гаснут. Я не ожидал сопротивления. Скорее, думал, что Малоун сдастся, решив, что Амира не стоит этого противостояния.

У меня складывается впечатление, что младший Фоули прошелся по жилищу бейсбольной битой или, как минимум, палкой. Каждая вещь, которую можно было разбить, разбита. Все, что можно было уронить, валяется на полу. Сам Малоун стоит у окна и безмятежно пьет кофе. Как будто это не он устроил Армагеддон вокруг.

Он медленно оборачивается и спокойно смотрит на меня.

- Кофе будешь?

- Нет, - отвечаю, откровенно говоря, находясь в замешательстве. Сбрасываю с дивана обломки столика и присаживаюсь, откинувшись на спинку. - Что здесь произошло?

- Когда я смогу увидеть жену?

- Она тебе не жена.

- Ошибаешься. Я принял веру, и наш брак вполне законный.

- На территории Бахрейна, но не здесь.

- Если нужно будет, я обойду каждого улема, в каждой гребаной арабской стране, и женюсь на Амуре столько раз, сколько будет необходимо, - рычит Малоун.

Меня приятно удивляет его решимость быть настоящим мужем Амуре.

- Я ехал сюда с намерением убить тебя, - произношу спокойно. Удивительно, но внутренняя вибрация прекратилась, и наступил штиль. Судя по всему, причина в том, что Ниса далеко. Может, подселить ее к братцу?

- Вот он я. - Малоун ставит чашку на пол, выпрямляется и разводит руки в стороны.

- Ты хочешь драки, - усмехаюсь. - Ее не будет, так что расслабься.

- Я хочу забрать жену.

- Ты хочешь забрать мою сестру, но, видишь ли, в современном обществе нельзя выкрасть невесту и сделать вид, что так и было. Что она и до этого принадлежала тебе. В современном обществе, Малоун...

- Люди женятся по обоюдному согласию! - перебивает он.

- А в нашей стране еще и с согласия старшего мужчины семьи. Мой отец не согласен.

- Я не отпущу ее.

Его лицо меняется. Сейчас он смотрит на меня так, словно ему глубоко наплевать на все мои слова. Будто он уже принял решение и не намерен отступить. Если это на самом деле так, я буду первым, кто пожмет его руку. Но сестру все равно не отдам. Он ей не пара.

- Амира уже дома.

- Как она? - внезапно спрашивает он, будто мы здесь просто ведем светскую беседу.

Рыдает, ненавидит и любит его.

- Нормально. Она наконец снова дома после своего небольшого приключения.

- Омар, ты же понимаешь, что я не отступлюсь.

Я встаю и поправляю воротник дишдаши. Усмехаюсь, глядя на Фоули.

- Будет забавно наблюдать, как отец отрежет тебе... что-нибудь.

- Когда он встретится со мной? - спрашивает Малоун, когда я уже подхожу к двери.

- Не терпится попрощаться с конечностями? Когда у него будет время, - отвечаю и выхожу.

Я собирался насладиться тем, какой он жалкий. Не знаю зачем. Наверное, чтобы убедить самого себя, что мы с отцом сделали правильные выводы, и Малоун недостоин моей сестры. Но я с удивлением обнаружил, что Мустафа по

сравнению с Малоуном просто мальчишка. Думаю, я бы так же повел себя на его месте. Закрыл бы собой свою женщину и сражался за нее до последнего. Какое счастье, что я лишен этой необходимости.

Первая мысль, которая посещает меня по возвращении домой: слишком тихо. Прислуги нет, а значит, у сумасшедшей Фоули есть возможность разнести мой дом, найти пистолет, убить собак и сбежать. Но она почему-то этого не сделала. Неужели спит?

Поднимаюсь к себе в спальню, толкаю дверь, ожидая – и даже надеясь, если быть до конца откровенным, – что она спит в моей постели. И она действительно в моей постели. Но не спит. Я застываю и перестаю дышать, когда вижу на белоснежных простынях загорелое стройное тело. Голое. С бесстыдно разведенными в стороны ногами. Судя по всему, мне предстоит еще одна адская ночь.

Глава 9

Омар

Зачем-то бросив взгляд в коридор, вхожу в спальню и прикрываю за собой дверь. Откровенно говоря, я растерян. Не понимаю, что делать в этой ситуации. Тело уже знает ответ, но мозг пока сопротивляется под воздействием здравого смысла. В висках пульсирует от желания, ниже пояса горит огнем. В своей фантазии я уже раздет и сверху на Нисе двигаюсь в безумном ритме, срывая наконец все оковы со своей выдержки. На деле же цежу сквозь зубы:

– Вон из моей спальни!

– Не хочу, – томно растягивая слова, отвечает ведьма, глядя на меня горящими глазами. Облизывает свои пухлые губы и между ног двигает пальцами по кругу, приковывая мое внимание к идеально гладкой промежности. Там все покраснело и припухло. Там мокро от желания, и, клянусь, я могу почувствовать запах ее возбуждения, который заводит еще сильнее.

– Вон, я сказал! – рявкаю и, сорвав с головы гутру, отправляюсь в душ.

Мне очень нужна холодная вода, которая хотя бы немного остудит мой пыл. Освежит мысли, которые разбегаются, а память услужливо, словно издеваясь, подкидывает одну и ту же навязчивую картинку. Горячую, как ад, картинку. Встав под воду, прикрываю глаза, но это не помогает. Ничего не помогает.

Упираюсь одной ладонью в стену и опускаю голову, позволяя воде омывать мое тело. Вторая рука безвольно повисает в нескольких сантиметрах от налитого кровью члена. Он каменный, болезненно пульсирует, унося меня в запретные фантазии. Внезапно я вздрагиваю, когда чувствую, как по моей спине скользят теплые ладони. Медленно, мучительно. У меня все меньше сил сопротивляться ей. Она и правда как будто околдовала меня. Я словно пьяный каждый раз, когда Ниса рядом. Голова кружится, и в ней такой туман, через который здравому рассудку все сложнее пробиться.

Ниса обнимает меня, прижимаясь со спины. Могу поклясться, что чувствую, как ее твердые соски царапают мою кожу. Ладонь скользит по моему напряженному животу, пересчитывая кубики, слегка замедляется внизу, а потом пытается обхватить член, но я перехватываю ее. Резко разворачиваюсь и хватаю Нису за запястья. Встряхиваю, глядя в бездонные глаза.

– Ты с ума сошла?! – реву от бессилия, практически срывая голос. – Не делай того, о чем пожалеешь!

– Я не пожалею! – упрямо вздергивает она подбородок и смотрит с вызовом.

– Пожалеешь! Нельзя вот так приходить к взрослому мужчине и делать то, за последствия чего будешь позже расплачиваться! – Встряхиваю ее еще раз, как будто это поможет ей вникнуть в суть сказанного. – Маленькие девочки не должны себя так вести! Ты должна уважать и ценить себя, а не предлагать бесстыдно свое тело.

– Я хочу его предлагать! Я тебя хочу, Омар!

– Ты не понимаешь, о чем говоришь! – сжимаю сильнее. Она кривится, и я понимаю, что делаю ей больно, но не могу разжать руки, как будто на них давит какая-то внешняя сила.

– Все я понимаю!

– Девственница не может понимать, что ждет ее дальше, – шиплю, приближая свое лицо к ее.

– Я не девственница.

Эти слова повисают между нами. На несколько секунд в ушах становится тихо, как будто меня оглушили. Совесть сражается с желанием, которое разрывает изнутри. Зря она это сказала. Еще пара секунд противостояния взглядами – и я, резко отпустив руки Нисы, хватаю ее за затылок. Прижимаюсь лбом к ее. Еще мгновение на обдумывание, но Ниса, облизнув губы, разрушает мою выдержку.

Впиваюсь в них жадным поцелуем. словно она мой источник после долгих часов в пустыне. Сношу ее, будто вихрь, обняв одной рукой за талию. Вжимаю в стену, сам впечатываясь в ее тело так, словно хочу раствориться в нем. И жадно пью ее стоны. Целую, разнося в пух и прах все, что сдерживало меня до этого. Отвергаю внешний мир, отбрасываю мораль, опускаю заслоны. Она сама попросила. Сама пришла. Она готова, как и я.

Вкус Нисы проникает в мою кровь, смешивается с ней, навсегда отпечатываясь во мне.

Мои руки скользят по стройному телу, оглаживая каждый сантиметр гладкой кожи, до которого могут дотянуться. Не знаю, что в Нисе такого, отчего я не могу перестать думать о ней. Ведь ничего особенного, она даже не в моем вкусе. Но ее запах, вкус, взгляд, эти губы... я не могу остановиться. Трусью о ее бедро членом, мучая себя и ее.

Ниса поднимает ногу, позволяя прижаться твердостью к ее промежности. Мое тело прошивает дрожь, как только я ощущаю ее жар. Рычу и кусаю ее за нижнюю губу. Ниса впивается ногтями в мои плечи. Еще никто никогда так не делал. Никто не позволял себе такого с сыном шейха. А для нее словно не существует авторитетов и барьеров. Это одна из черт, которая манит меня к ней. Ниса разрывает привычные мне шаблоны. Ни одна женщина еще не была настолько открыта и необузданна в постели со мной, как эта амазонка. Она сама двигается, трется о мой член, царапает мои плечи, усиливая ощущения. Целует

в ответ на правах равной, и это еще сильнее заводит.

Пристраиваюсь у входа и притормаживаю, тяжело дыша. Смотрю в глаза Нисы.

– Последний шанс остановиться, – выдыхаю хрипло.

– Не хочу останавливаться, – отвечает она, так же задыхаясь. – Трахни меня, Омар.

Прикрываю на мгновение глаза и, крепко сжав челюсти, медленно проникаю. Делаю это осторожно на случай, если она соврала о своей опытности. Если только уткнусь в барьер, тут же остановлю это. По крайней мере, это я себе обещаю, только хватит ли сил?

Погружаюсь до упора, не встретив сопротивления, и с удивлением для себя самого испытываю облегчение.

– Да, – выдыхает Ниса мне в ухо и кусает мочку. Каждое ее смелое действие отдается вспышками по всему телу. Как будто толчки откуда-то из недр моей личной преисподней.

Поднимаю ее ногу выше себе на бедро, подаюсь назад и врываюсь жестче. Ниса зажмуривается и с громким стоном привстает на носочки.

– Рановато тебе в такие игры играть, – произношу я, а потом меня прошивает от макушки до пят, когда она резко распахивает глаза и смотрит на меня пьяным взглядом. На ее соблазнительных губах играет хитрая улыбка.

– А может, ты просто боишься влюбиться в меня, Омар Аль Мансури? – почти шепотом выдает соблазнительница.

Я тоже улыбаюсь, но мстительно. Ее никто за язык не тянул. Никто не принуждал приходить ко мне. И уж точно не принуждал соблазнять меня.

Отвожу бедра назад и подхватываю Нису под вторую ногу, поднимая в воздух. Она вскрикивает и с хихиканьем обхватывает мою шею руками. Перед глазами упруго пружинит небольшая грудь. Впиваюсь в сосок губами, облизываю его,

прикусываю и снова засасываю в рот. Спина Нисы выгибается, и она легонько царапает мою голову, как будто хочет ухватиться за волосы, но, к ее несчастью, на моей голове нет растительности, так что ей остается только водить ногтями по коже. Втянув в рот второй сосок, медленно скольжу членом по промежности. Ниса пытается прижаться сильнее, но я не позволяю, пока она не начинает хныкать от накрывающего ее возбуждения, с которым уже не в силах справиться. Говорил же, рано...

Оставив ее грудь в покое, врываюсь на полную длину. В этот раз я не останавливаюсь, не притормаживаю и не пытаюсь смягчить свои действия. Она провоцировала меня, и я хочу показать ей, на что она себя обрекла. Чтобы больше не приходила ко мне и не напрашивалась на неприятности. Но, кажется, своими действиями я делаю еще хуже. Ощущение, что с каждым толчком я все сильнее привязываю нас друг к другу. Потому что не должны случайные любовники так жадно целоваться во время секса, не должны смотреть друг другу в глаза, не должны искать во взглядах одобрения и подтверждения, что другому хорошо.

Меня разрывает злость на нее за то, что добилась своего. И на себя за то, что повелся на ее провокации.

Ставлю ее на пол и резко разворачиваю спиной к себе. Вжимаю щекой в прохладный кафель и несколько раз шлепаю по попке, совершенно не сдерживаясь и не пытаюсь смягчить удар. Меня так накрывает ярость, что перед глазами встает красная пелена.

Коленом заставляю Нису раздвинуть ноги и с силой снова врываюсь в нее. Она выгибает спину, то подаваясь навстречу моим резким толчкам, то, наоборот, пытаюсь сбежать. Отпускаю ее голову и, обхватив одной рукой грудь, а второй схватив за плечо, жестко врываюсь в ее тело. Мне плевать на весь окружающий мир и здравый смысл. Мной полностью завладели эмоции и жажда.

Тело заливают жаром. Волна за волной, он вибрацией поднимается от копчика по позвоночнику, затылок щиплет от подкрадывающегося оргазма, и я точно знаю, что он затмит по яркости все предыдущие. Мне страшно. Впервые в жизни страшно даже подумать о том, что будет после. Хочется отпустить себя и просто нырнуть в эту пропасть, но ужас сковывает легкие, заставляя хватать кислород крохотными порциями, достаточными только для того, чтобы не умереть.

Внезапно Ниса сильнее выгибает спину, демонстрируя невероятно красивый изгиб округлых бедер, плавно переходящий к тонкой талии и хрупким плечам. Линия позвоночника изгибается, образуя красивую дугу. Я, как зачарованный, смотрю на это, а потом в моих глазах темнеет, и член ломит от того, как сильно Ниса на мгновение сжимает меня внутренними мышцами. Словно его зажали в тиски. Мое тело окатывает горячей волной, и я, не сдержавшись, кусаю Нису за плечо. В последний момент успеваю выдернуть из нее член и, резко проведя по нему пару раз, изливаюсь на ее спину, наблюдая только вспышки за закрытыми веками.

Никогда еще я не ощущал такого. Это странно признавать, учитывая мой опыт с женщинами. Но это правда. Меня так накрыло удовольствие, что я едва держусь на дрожащих ногах.

Чувствую, как Ниса медленно разворачивается, ощущаю ее взгляд на себе, но не могу заставить себя открыть глаза, все еще плавая в своем удовольствии. Кажется, даже плитка на стене, к которой прижимаются мои ладони, горит огнем. Еще несколько секунд позволяю себе плавать в этой эйфории. Когда мысли начинают понемногу проясняться, пытаюсь решить, что делать дальше. Как закончить этот вечер.

Но Ниса, как всегда, все портит и, стоит мне распахнуть глаза, медленно опускается передо мной на колени, гипнотизируя доверчивым взглядом.

– Он все еще твердый, – тихо произносит она ровно за мгновение до того, как накрыть головку горячими губами.

Глава 10

Ниса

Пока Омар говорит по телефону, я на дрожащих ногах снова прокрадываюсь в душ. Присаживаюсь на каменный выступ и лениво моюсь. Несколько часов назад, на этом же месте у нас обоих как будто сорвало предохранители. Кто бы мог подумать, что холодный, отстраненный сын шейха окажется таким

страстным и изобретательным в постели? Да еще и таким ненасытным? Я сбилась со счета, сколько раз он меня брал и в каких позах. Для него словно не существует запретов и ограничений. Будто нет вообще никаких моральных рамок. Он просто идет в отрыв, повинуюсь желаниям и потребностям тела.

Когда я возвращаюсь в спальню, шторы приоткрыты, как и дверь на террасу. Выхожу туда и застаю Омара у балюстрады, он стоит, упершись в нее ладонями, и наблюдает за рассветом. Он невероятно красивый. Рассвет в смысле, на Омара я сознательно не смотрю. Потому что у меня такое ощущение, что каждый наш взгляд неизменно приведет к тому, что тела снова невольно притянутся, и все начнется сначала.

- Следует одеваться, когда выходишь из душа.

- Здесь только мы двое, - отвечаю, не поворачиваясь.

- Женщина не должна себя так открыто демонстрировать.

- Я в полотенце.

- Которое едва прикрывает твою задницу.

- О, ты умеешь говорить такие слова, - произношу с улыбкой и поворачиваюсь лицом к Омару. Зря.

Схлестнувшись, наши взгляды уже трахают друг друга, а по телу проносятся вспышки желания. У меня между ног до сих пор саднит от его грубости, нижние губы печет, как будто их натерли наждачкой. И все равно в голове проскакивает мысль о том, что я бы еще разок... Невероятным усилием воли отвожу свой взгляд и снова смотрю на медленно поднимающееся солнце.

- Красиво здесь.

- Да, - коротко отвечает он.

- Я никогда еще не видела настоящую пустыню, - говорю практически шепотом, словно боюсь потревожить безмятежность, которую ощущаю в эту секунду.

- Тебе она нравится? – удивительно услышать от него этот вопрос. Как будто Омар на самом деле интересуется моим мнением.

- Пустыня? Нравится. В ней есть какая-то магия. Она пугает и притягивает одновременно. Но воду я люблю больше. Океан велик. В нем сила и мощь. А пустыня... она как будто призвана дарить умиротворение.

Я чувствую на себе взгляд Омара, но не смотрю в ответ. Хочу еще немного насладиться этим ощущением. Как будто он смотрит с обожанием. Как будто я ему принадлежу. Но мы ведь оба понимаем, что то, что произошло между нами – это просто попытка сбросить напряжение.

- Когда ты отправишь меня домой?

- Когда придет время, – спокойно отвечает он.

- От чего это зависит?

- От многих факторов.

- Среди них есть твое желание?

- Ты пытаешься спросить меня о чем-то конкретном? – после некоторой паузы задает он вопрос.

- Нет. Просто уточняю, – вру я, но на самом деле хочу узнать именно его мнение на этот счет. Возможно, наивная часть меня даже жаждет услышать, что теперь он куда меня не отпустит. Рациональная же часть подсказывает, что вряд ли я готова так кардинально изменить свою жизнь. Хотя влюбиться в Омара было бы так просто.

- Тогда это совершенно не важная информация, – отзывается Омар, а потом отходит на шаг назад. – Тебе нужно отдохнуть. Возвращайся к себе.

Бросаю на него хмурый взгляд.

– А почему я не могу остаться здесь?

– Потому что я хозяин этого дома, – с равнодушным взглядом отвечает он. – И я решаю, где будут спать мои гости.

– Ну ты и говнюк, Аль Мансури! – рявкаю, едва сдерживаясь, чтобы не залепить ему пощечину.

Разворачиваюсь и решительным шагом топаю из комнаты.

– Оденься! – летит мне в спину.

– Да пошел ты! – отвечаю, не оборачиваясь, а потом сбрасываю полотенце и, распахнув дверь, иду в отведенную мне комнату.

Падаю на кровать и, завернувшись в одеяло, плачу. Хочу домой. Но что-то подсказывает мне, что моя жизнь уже больше никогда не будет прежней.

Просыпаюсь я после обеда. Сажусь на кровати и тру веки. Потом обвожу взглядом комнату, застывая на плоских коробках, аккуратно составленных на столике. Навожу резкость, прищурившись и пытаюсь понять, что это такое, но рассмотреть никак не получается.

Встаю и теперь уже осознаю свою наготу. Если еще несколько часов назад, когда я покидала спальню Омара, мне было плевать, то сейчас хочется прикрыться. Прохожу в гардероб с намерением натянуть хотя бы свой купальник, но с удивлением обнаруживаю там женскую одежду, которой раньше не было. Зачем-то оглядываюсь по сторонам, а потом снимаю с вешалки первое попавшееся платье. Длинное и красивое. Из легкой, но не прозрачной ткани.

В бельевом ящике я с удивлением обнаруживаю разных цветов комплекты с идеально подобранным размером. Одеваюсь и кручусь перед зеркалом. Рукава платья закрывают запястья полностью, пряча синяки, которые оставил этот варвар. От воспоминаний кожа мгновенно покрывается мурашками. Еще немного исследую полки и вешалки. У меня складывается впечатление, что Омар задумал оставить меня здесь. Бред, конечно, но такое количество одежды на пару дней – это слишком. Зависаю, пытаюсь осмыслить идею остаться с Омаром. С ужасом

гоню от себя мысль о том, что мне могло бы это понравиться. Я бы не хотела всю оставшуюся жизнь провести в доме, окруженном песками. Практически в одиночестве, без возможности заниматься серфингом и бегать по пляжу в одном купальнике.

Наконец я добираюсь до коробок на столе. Два альбома, краски, кисти, карандаши цветные и для скетчей. Столько инструментов для творчества, по которому я истосковалась за это время! Мне так не терпится начать, что я всерьез подумываю, стоит ли спускаться на завтрак. Но урчащий желудок принимает решение за меня. Бунт, который я устраивала эти пару дней, пора прекращать. Удовлетворенное тело требует нормального питания.

Спускаюсь на кухню и натываюсь на кухарку, которая замирает, глядя на меня расширившимися глазами. Эту женщину я еще не встречала в доме Омара. Она завернута в ткань с головы до пят. Вся в черном. Мрачновато выглядит, но в целом нормально.

– Добрый день, – здороваюсь без особого почтения и топаю напрямик к холодильнику. Чувствую на себе ее взгляд, но не собираюсь даже оправдываться за свое поведение. Если Омар хочет учтивых гостей, то должен сначала дожидаться их согласия нанести ему визит. А меня нагло украли, так что теперь я намерена так же нагло пользоваться всеми благами этого дома.

Достаю несколько непонятных блюд, но которые хоть немного напоминают нечто знакомое. Мясо, салат, сыр, какая-то выпечка и молоко.

– А кофе у вас есть? – спрашиваю женщину. Она продолжает смотреть на меня во все глаза, держа в руках кусок теста. – Вы говорите по-английски? – Она все еще молчит, и я тяжело вздыхаю. – Понятно. – Начинаю шарить по шкафчикам в поисках кофемашины или хотя бы кофеварки. – Бинго! – восклицаю радостно, выдвигая из хитро спрятанного шкафчика полку с кофемашиной и добавками рядом с ней.

Подставляю чашку под рожок, выбираю латте и терпеливо жду, пока мой напиток будет готов. И все это так же под прожигающим взглядом кухарки. Понимаю, что и завтракать придется в ее присутствии, поэтому, как только кофе готов, я сгружаю завтрак на одну тарелку, беру приборы, чашку и сваливаю в свою комнату. Мне кусок в горло не полезет, если она будет пялиться на меня. А

ждать свой завтрак в спальне я не смогу: умру с голоду.

Практически проглотив все, что захватила с собой, открываю шторы и пью латте, глядя через стекло на пустыню. Выйти на балкон не решаюсь, зная, какая жара там стоит. Это легко определить по тому, как преломляется свет в раскаленном воздухе, который будто плавится. Это облако пекла словно плывет над барханами, изменяя их форму и придавая новые очертания. Должна признать, это красиво. Пальцы зудят взяться за карандаш и нарисовать эту опасную безмятежность, чем я и занимаюсь весь остаток дня до самого заката, подтянув кресло к балконной двери и прерываясь только на прием пищи и туалет.

Вечером, готовясь ко сну, я решаю, что больше не пойду к Омару. Даже на глаза ему не покажусь. Хватит. Мы, словно безумные, сорвавшиеся с цепи звери, набросились друг на друга и утолили голод. Сейчас пришло время здравомыслия. Я хочу домой. А самый верный способ сберечь свои нервы до момента возвращения – не пересекаться с хозяином дома.

Только сделать это чертовски сложно, особенно когда после полуночи он открывает дверь моей спальни в одном полотенце на бедрах. Потом подходит к кровати и сбрасывает тряпицу. Нависает надо мной своим огромным телом и срывает с меня одеяло.

Глава 11

Омар

Я держался целый день. Не думал о ней. Даже не допускал малейшего воспоминания. Был занят работой, сорванными операциями, выяснением тонкостей поставки оружия, которая тоже грозила сорваться. Но стоило мне войти в дом и подняться в свою спальню, как на меня налетели воспоминания и снесли, словно ударом товарного поезда. Ее запах, как бы тщательно ни убирали в моей спальне, будто въелся в эти стены. Я чувствую его в комнате, в ванной, даже в гардеробе, куда она не заходила с первого дня, когда украла мои вещи. Но повсюду Ниса. В каждом уголке. Сама мысль о том, что она спит в нескольких метрах от меня, заставляет тело вибрировать.

Я долго работаю в кабинете, но даже там, кажется, чувствую ее незримое присутствие. Она точно ведьма, которая окутала мой дом своими чарами, и теперь я все время, находясь здесь, думаю о ней. Это приводит в ярость, и я бросаю папку с документами через весь кабинет с гулким рыком. Вот почему я не хотел приводить женщину в этот дом! Потому что из-за нее я теряю концентрацию.

Намеренно громко топаю по пути в свою спальню, хлопаю дверью и отшвыриваю все, что попадает под руку. Вхожу в душ и становлюсь под прохладные струи в надежде, что вода смоет эту одержимость. Но все тщетно. Все летит коту под хвост, стоит мне выключить воду и выйти из кабины. Ее запах, вкус – все это взрывается в моей голове, словно сработал таймер на бомбе замедленного действия.

К комнате Нисы я иду медленно, пытаюсь отговорить себя. Но когда вижу ее на кровати, а член приподнимает полотенце, все сомнения испаряются.

Навалившись на Нису, ловлю себя на мысли, что меня не покидает ощущение, словно я вернулся домой. Как будто тут, сверху на ней, и есть мое место. Потому что рой мыслей, который настойчиво жужжал до этого в голове, вдруг затихает. Вибрация в мышцах и напряжение куда-то испаряются. Все, что остается – это дикая жажда и стремление как можно скорее оказаться внутри этой ведьмы.

Мы целуемся, как безумные. Блуждаем руками по телам друг друга, Ниса совершенно развязно стонет и льнет ко мне. Мне нравится, что она так живо откликается. Что не сдерживает своих эмоций, не пытается казаться лучше, чем она есть. Ниса Фоули – развратная и похотливая, и странным образом ей это идет.

Я срываю с нее футболку – единственный предмет одежды на ней – и вхожу. Медленно, глубоко, растягивая ее тугие стеночки. И внезапно мозг прошивает осознанием, что я у нее не первый. Не знаю, по какой причине, но почему-то меня это злит. Она ведь не моя женщина и в жены тем более не годится. Тогда почему пред глазами красная пелена?

Выхожу из нее и резким рывком переворачиваю на живот. Развожу половинки попки и снова врываюсь в нее. Ниса хватается за простыни и громко стонет, практически кричит.

– Полегче! – выкрикивает она при следующем толчке и пытается сбежать, но я наваливаюсь руками на ее поясицу и вдалбливаюсь еще яростнее.

Внутри меня разрывает на части от осознания, что на этом же месте был другой.

– Омар, притормози! Ты делаешь мне больно!

– А с ним тебе не было больно? – вырывается из меня. Я цежу это сквозь стиснутые зубы, и мой тон больше похож на шипение.

– С кем?! Ай! Прекрати! – она пытается ударить меня по бедру, но я перехватываю ее руки, складываю их у нее за спиной и снова прижимаю. – Омар!

Я пытаюсь рассуждать рационально даже сейчас. Она слишком узкая, значит, у нее было не много мужчин. И минет она делала настолько неумело и даже немного неловко, что я мог бы поклясться, что он был первым. Может, до меня был всего один раз?

Снова переворачиваю Нису и ложусь сверху. Даже в темноте замечаю, что ее глаза блестят слишком сильно. Касаюсь большим пальцем края левого глаза и хмурюсь.

– Почему ты плачешь?

Она пытается отвернуться, но я не даю, удерживая ее лицо ладонями. Слезы Нисы пробуждают что-то новое во мне. Чувство, которого я никогда не испытывал к посторонним женщинам. Обычно даже слезы женщин моей семьи не оказывают на меня такого влияния. А сейчас внутри все сжимается и так и застывает, не давая дышать.

– Ниса, ответь.

Она легонько качает головой, зажмурившись. Я склоняюсь к ее губам и медленно целую. Ниса не отвечает, но позволяет мне это делать. Может, потому что я нежен с ней, а может, потому что у нее просто нет другого выхода.

– Я сделал тебе больно?

- Да, - шепчет она.

- Но ты же не девственница.

- Уже нет.

Я хмурюсь еще сильнее.

- Что это должно означать?

- До тебя я была девственницей.

Я на несколько секунд застываю, пытаюсь понять, как интерпретировать ее слова.

- Но крови не было.

- Представь себе, так иногда случается.

- Ты слишком развязно себя вела, - выдвигаю, по моему мнению, железный аргумент.

- Люблю посмотреть порно на досуге, ясно?! - со злостью выпаливает она, впиваясь в меня взглядом.

Единственная полоска лунного света, пробивающаяся между не до конца задернутыми шторами, ложится на лицо Нисы, освещая ее идеальную, шелковистую кожу. И я неосознанно глажу ее щеку тыльной стороной ладони.

- Ниса...

- Просто закончи то, что начал! - со злостью выпаливает она. - Оставить меня без оргазма - это еще более жестоко, чем трахать так сильно, не подготовив.

Еще несколько секунд я смотрю на нее, а потом решаю, что она права, я должен доставить ей удовольствие, раз нажестил. Медленно вхожу в нее, но теперь не до самого упора. Стараюсь не думать и не анализировать ее слова, хоть они и крутятся в моей голове с бешеной скоростью. И впервые в своей жизни я занимаюсь любовью. По крайней мере, чем-то близким к этому. Я двигаюсь медленно, размеренно. Вхожу глубоко, но без резких рывков. Я позволяю Нисе включиться в игру. Ласкаю ее и целую, перекаत्याю по очереди соски между пальцами, впиваюсь в них ртом. У нее настолько чувствительная грудь, что мне даже не нужно сжимать ее, чтобы спина Нисы непроизвольно выгнулась, а изо рта вырвался негромкий стон.

Когда она включается в игру, я усиливаю напор. Толчки становятся более резкими, но мне все равно приходится контролировать себя, чтобы не сорваться и снова не причинить боль. Переворачиваюсь, утягивая Нису на себя, когда вижу, что она уже полностью со мной в этом процессе.

– Делай так, как тебе нравится, – севшим голосом говорю я.

Глажу ее бока, любуясь тем, как она медленно двигается на мне. Как ее тело извивается. Мне кажется, я могу пальцами пересчитать ее ребра. Совершенно не понимаю, как она могла мне понравиться, как я вообще начал испытывать к ней желание. Но это факт. Я хочу Нису. И с каждой минутой все сильнее. Особенно в момент, когда мой палец ложится ей на клитор, и Ниса глубже насаживается на член со сладким, протяжным стоном. И, чем быстрее мой палец кружит по напряженной горошине, тем быстрее и глубже двигается Ниса.

В моей голове начинается бардак. Смешение мыслей, воспоминаний, каких-то обрывков, которые мне подбрасывает память – все это какофонией звучит в воспаленных мозгах, пока их жужжание не перекрывает очередной вскрик Нисы. Задушенный, как будто ей больно. Сиплый, словно ее горло дерет. Она замирает на мне, буквально каменеет всего на мгновение, а потом ее начинает бить дрожь. Это прекрасное зрелище, пускай и вижу я только очертания, но все остальное ощущаю своим телом. Вибрации, которые передаются от нее ко мне, сотрясают мой мир, и это плохо.

Ниса падает мне на грудь, доверчиво прижимаясь, а я приподнимаю бедра и начинаю вколачиваться в нее снизу, чтобы догнать свое собственное удовольствие. Оно такое острое, что перед глазами я вижу вспышки, и тело дрожит не меньше, чем тело Нисы. Сквозь туман похоти я едва вспоминаю о том,

что должен выйти из нее, потому что потомства с Фоули я точно не желаю. Хватит того, что сестра спуталась с их старшим сыном.

Спустя несколько минут Ниса лежит, лениво перебирая волосы на моей груди и зарываясь в них пальцами. Потом снова прочесывает мою бороду и легонько дергает за нее, пока я не останавливаю эту забаву.

– Больно, да?

– Это месть, или ты просто хотела проверить? – с улыбкой спрашиваю я.

– Хотела проверить.

– Немного больно, да. Ниса, – зову после нескольких секунд молчания.

– М?

– Вчера в душе ты сказала, что уже не девственница.

– Я не сказала «уже», – парирует Ниса. – Я просто сказала, что не девственница.

– И что это должно значить?

– У меня аплазия.

– Это еще что такое? Болезнь какая-то?

Ниса заливается мелодичным смехом, а мое сердце разгоняется за секунду и тарабанит так, словно сейчас проломит грудную клетку. Ее смех переворачивает мои внутренности и с грохотом возвращает их на место. Мне кажется, именно этот момент станет поворотным в наших жизнях. Начало отсчета моей зависимости от этой ведьмы.

– Не болезнь, – отсмеявшись, отвечает она. – Это врожденное свойство организма. У меня просто отсутствует девственная плева.

Я кривлюсь: женщина не должна рассказывать всего этого мужчине. Но так говорит мое воспитание, а любознательность во мне хочет узнавать все новые детали.

- Еще раз повтори, как это называется?

- Аплазия.

- Ясно.

- Ни черта тебе не ясно, - Ниса с тихим смешком шлепает меня по груди, а я перехватываю ее ладонь и прижимаю к колотящемуся сердцу, как будто она, будучи причиной такого ритма, сможет его утихомирить.

- То есть у тебя еще не было мужчин? - все же решаю уточнить я.

- До тебя не было, - тише отвечает Ниса и замирает, словно в ожидании моей реакции.

А я, не задумываясь, еще сильнее вжимаю ее в себя и вдыхаю запах ее волос. Прикрываю глаза. Я был первым. Знаешь ли ты, Омар, что значит первый мужчина для женщины? Я не испытываю по этому поводу восторга. Нет, точно не испытываю. Потому что и для мужчины это значит ровно то же самое. Первые не забываются.

Глава 12

Омар

Я кошусь на Нису и снова возвращаю взгляд на дорогу. Только шайтан мог дернуть меня сделать то, что я делаю сейчас. Везу ее в конюшню, чтобы прокатить на лошади. Не знаю, где были мои мозги в момент, когда я предложил ей это, но так случилось, что слова сами вылетели изо рта, и теперь мы едем в одной машине. Ниса внимательно рассматривает окружающий пейзаж.

– Я часами могу рисовать пустыню, – делится она. – Это как рисовать океан, только сухой. Ты замечал, что у тебя за окном каждый день сменяется пейзаж?

– Замечал, – отвечаю сухо, потому что мне не нравится, что нас с ней что-то объединяет, кроме секса. Более того, меня раздражает, что пустыня ей нравится не меньше, чем мне.

– Каждый бархан уникален, – задумчиво бормочет она, водя пальцем по стеклу, как будто обрисовывая гору песка. – И через час он уже может изменить свою форму на более причудливую или стать совсем плоским. Поэтому каждый раз, рисуя, я тороплюсь, чтобы успеть нарисовать бархан в том виде, в котором увидела его.

Внутри меня ноет. Тянет, как будто кто-то схватил мои внутренние органы и пытается вытащить их наружу. Это мучительно больно, поэтому я крепче сцепляю зубы. Через несколько часов я отправлю Нису домой. Отец уже предупредил меня, что в шесть вечера самолет Фоули должен улететь. Мне бы хотелось отнестись к этому событию легко, не пропускать его через себя. Со спокойной душой отдать Нису ее брату и вернуться в свою нормальную жизнь, которую она потревожила. Но каждый раз, когда думаю об этом, мне все сильнее хочется оставить ее здесь, послав к черту всех окружающих. Запереться с ней в своем особняке и не выпускать, пока не родит мне с десяток детей.

Следом за этим одержимым желанием приходит осознание, что Ниса – это просто эпизод в моей жизни, и эту девочку я бы не хотел заполучить в качестве жены. Потому что она для семьи не создана. Ниса – это свобода, кураж, безумие. Но точно не покорная жена. А мне нужна именно такая. И, думаю, я просто не наигрался новой игрушкой, поэтому так остервенело держусь за каждую минуту с ней.

– О, боже, какая красота! – восклицает Ниса, хлопая в ладоши и ерзая на сиденье. – Конюшня прямо посреди пустыни! И мы будем кататься по песку?

– Да, – отвечаю коротко, сворачивая с основной дороги к конюшне.

– Это невероятно! – восклицает Ниса, глядя на меня светящимся взглядом.

- Покрой голову.

- Так еще не жарко.

- Ниса, покрой голову. Здесь не положено демонстрировать волосы.

Она негромко фыркает, но все же поднимает с коленей платок и пытается завязать его на голове, но у нее не выходит.

- Я не умею! - психует она, отбрасывая платок на панель перед собой.

Я паркую машину и с тяжелым вздохом подхватываю ткань, а потом набрасываю ее на голову Нисе. Ловко завязываю и поправляю так, чтобы все волосы были спрятаны и ни одна прядь не торчала. Чтобы ни один шакал не увидел ее уязвимости. Этот факт злит сильнее всего. Не то, что кто-то может увидеть, а то, что меня это в принципе беспокоит.

- У тебя так хорошо получается, - язвительно произносит Ниса. - И многим девушкам ты повязывал платок?

- Это называется шела, - терпеливо поясняю. - Я много раз видел, как сестры и мама его повязывают. А надевал я его только что первый раз, - последний факт раздраженно цежу сквозь зубы и покидаю салон машины.

- Я еще никогда не каталась верхом, - говорит Ниса, когда я вывожу из стойла своего скакуна и ее белую лошадь.

- Грация спокойная, так что тебе не о чем волноваться.

- Лошадь зовут Грация?

- Да.

- А твоего как?

- Ворон.

– Ему идет.

– Потому что черный? – хмыкаю я.

– Угу, – коротко отвечает Ниса. – Что я должна делать? – спрашивает она, приближаясь к Грации.

После короткой инструкции я подвожу Нису к лошади. Она хватается за седло и ставит ногу в стремя. Я беру ее за талию, чтобы подсадить, и на секунду зависаю. Ощущение ее тела в моих руках переворачивает мой привычный мир. Это ощущается слишком правильно. Слишком по-родному. Отметаю неподобающие мысли и подталкиваю Нису вверх, чтобы помочь ей забраться в седло. Сначала мы едем медленно, пока Ниса привыкает к лошади. Я рассказываю, как пускать лошадь в галоп, как управлять ею, как остановить, в какой позе сидеть. Она внимательно слушает, глядя на меня своими невероятными глазами. Мне кажется, я даже могу видеть, как все сказанное мной проникает в нее. То, как она смотрит, как слушает, как внимает каждому слову – это, надо признать, вдохновляет и заставляет грудную клетку расширяться, наполняя ее чем-то теплым. Такое же чувство я хочу испытывать с той женщиной, которую выберу себе в жены.

Внезапно, как только я заканчиваю рассказывать, Ниса толкает ногами лошадь, и та срывается в галоп. От неожиданности я даже застываю на несколько секунд, а потом скачу следом за ней. Ужасно признавать, что выглядит эта амазонка на лошади именно так, как я себе и представлял. Это срабатывает как укол, пронизывающий грудную клетку.

Я несусь за Нисой, представляя себе, как буду наказывать ее за вольности и тот страх, который сейчас испытываю. Она ведь впервые на лошади. Или соврала?

– Ты с ума сошла? – выкрикиваю, когда догоняю ее, а Ниса снова смеется своим заливистым смехом, который порождает мурашки на моей шее. – Тормози!

– Ни за что! – отвечает она, обернувшись всего на секунду, и снова срывается в галоп.

С ее головы слетает шела, едва держась на шее, и волосы теперь так же неукротимо развеваются на ветру. И выглядит это зрелище... завораживающе.

Оно как будто выжигается в моей голове, и я точно знаю, что позже, когда верну Нису ее семье, буду еще не раз вспоминать ее скачки.

Когда мы возвращаемся в конюшню, я раздражен сильнее, чем был утром. Потому что знаю: через пару часов мне нужно везти Нису в аэропорт. Наверное, я, наоборот, должен быть рад, что избавлюсь от обузы. Как и она, потому что много раз за эти дни спросила, когда я наконец верну ее семье. Но что-то как-то не радостно. Наоборот, внутри меня клокочет ярость от того, что мне придется вернуть мою игрушку. И что рано или поздно найдется какой-то парень из ее среды, который захочет заявить на нее права.

Как только лошади занимают свои места в стойле, я хватаю Нису за руку и тащу к деревянной перегородке, за которой хранится сено. Выгоняю всех из конюшни, а сам заталкиваю Нису в угол.

– Эй! – только и успевает вскрикнуть она, как я набрасываюсь на ее рот. Сминаю сладкие губы своими, срывая шелу с ее головы. Зарываюсь пальцами в волосы и прижимаю Нису так близко к себе, насколько это возможно. Мне кажется, сила моего напора способна нанести ей увечья.

Ниса не отстает. Она хватается меня за дишдашу, сминает ткань на груди. Я тут же перехватываю ее запястья и отрываюсь от нее на мгновение. Даю нам это короткое время, чтобы передумать. Ни одна уважающая себя восточная женщина не стала бы заниматься сексом в таком месте. Но это не о Нисе. Ее глаза горят адским пламенем, призывая меня действовать решительнее.

Разворачиваю ее спиной к себе и толкаю к стене, заставляя упереться в нее ладонями. Сам же быстро задираю ее платье, расстегиваю молнию на своих брюках и приспускаю их ниже. Отдвигаю тонкий перешеек трусиков Нисы в сторону, приподнимаю ее ногу и медленно вхожу. Я помню, что она недовдественница со странным диагнозом, поэтому не тороплюсь, как бы сильно ни хотелось.

– Быстрее, – выдыхает Ниса, снова провоцируя меня.

– Будет больно, – негромко рычу ей на ухо.

– Пусть будет больно, Омар, – задыхаясь, судорожно шепчет она. – Хочу запомнить.

Еще пару секунд я сопротивляюсь, но потом поднимаю ее ногу выше и врываюсь до упора. Ниса пытается ускользнуть от меня, но второй рукой я удерживаю ее за бедро. Чувствую, как она напряглась. Сейчас бы выплеснуть на нее всю ярость за то, что посмела появиться в моей жизни и нарушить покой. За то, что в принципе существует именно такая. За то, что провоцирует меня каждую секунду. Но я не могу. Почему-то хочется ее беречь. Жестко трахать, но при этом беречь. Кажется, я начал сходить с ума.

В следующий раз вхожу медленнее и не до конца. Мне приходится сжать зубы, чтобы не сделать так, как хочется мне, а лишь так, как нужно ей. Но еще мне хочется, чтобы она запомнила не грубость, а страсть, которая разрывает нас обоих. Чувство, когда сводит в паху и сжимается в грудной клетке просто от ощущения ее в моих руках. Я долблюсь в ее нежное, хрупкое тело, как отбойный молоток, совсем немного не доходя до упора. Но даже этих мгновений хватает, чтобы прочувствовать, какая она тугая, горячая и влажная. И эти стоны...

– Тише, Ниса, – шепчу ей на ухо и прикусываю мочку, после чего облизываю ее.

– Не могу, – стонет она и хнычет. – Пожалуйста.

Отпускаю ее бедро и запечатываю ей рот своей ладонью. Ускоряюсь, чувствуя, как по спине ползет жар, сотрясая каждый позвонок. Прикрываю глаза, а потом и вовсе крепко зажимаюсь, ныряя в ощущения. Запоминаю каждую деталь: шлепки наших бедер, негромкие поскуливания Нисы, аромат ее волос и запах секса, смешанный с запахом сена. Все это кружится в голове, пока не смешивается там в безумный коктейль, калейдоскопом крутящийся перед глазами. Кажется, что сейчас упадет первая перегородка, и все разноцветные камешки смешаются в кучу, составив совершенно беспорядочный узор.

Ниса взрывается с тихим воем, и в этот момент впивается зубами мне в ребро ладони. Она не просто прикусывает, а крепко сжимает челюсти, как и я свои, чтобы не завывать от боли. И в этот момент я чувствую, как сперма толчками выплескивается в благодатное тепло. Мы оба замираем. Я же пытаюсь пережить взрывной коктейль боли и настолько яркого оргазма, что перед глазами темнеет.

Глава 13

Омар

- Ты кончил в меня, - первой нарушает тишину Ниса, когда мы немного приходим в себя. Я негромко ругаюсь на арабском, пытаюсь собрать в кучу мысли, чтобы трезво рассуждать. - Да ладно, забей, у меня безопасные дни.

- Хочу ли я знать, что такое безопасные дни? - выхожу из Нисы, и мы принимаемся приводить себя в порядок. Несмотря на опасения, мне невероятно сильно нравится мысль о том, что ее бедра будут в моей сперме даже в самолете. Она будет пахнуть мной. Будет помечена всю дорогу до дома.

- Думаю, нет, - усмехается ведьма. - Это очень девчачьи штучки, к которым твоя тонкая душевная организация пока не готова. Если коротко и на понятном языке, я не забеременею.

- Хорошо, - выдыхаю с облегчением.

- Боишься, что принесу тебе потомство? - не унимается она.

- Оставим этот разговор. Если ты говоришь, что все в порядке, я, пожалуй, тебе поверю.

- А что ты так боишься, Омар? - заправляя волосы под шелу, Ниса смеряет меня внимательным взглядом. - Не хочешь детей от неверной?

- Не хочу еще больше дурной крови в своей семье. Достаточно того, что твой брат женился на Амуре.

- Дурной крови? - прищурившись, нарочито медленно тянет ведьма. - Ах ты поганый вонючий ублюдок! То есть трахать меня - это нормально! Не такая уж и дурная была кровь, да? А ребенок тебе не мил.

– У нас нет ребенка, – рявкаю я.

– Но мог бы быть! А вообще знаешь, те, кто не хотят детей, пользуются гребаными резинками! Представляешь, в двадцать первом веке врачи придумали до хренища всяких контрацептивов, чтобы такие пафосные уроды, как ты, не делали детей девушкам с дурной кровью!

– Хватит выражаться! – вскрикиваю, нависая над Нисой.

– А то что? – подбоченившись, спрашивает она, и снова этот жест, который меня так бесит: она задирает свой острый подбородок и впивается в меня взглядом. Так и хочется ухватить ее за щеки одной рукой и отвернуть от себя. Потому что пока из всего, сказанного ею, каждое слово – правда. Это раздражает и порождает ярость.

– Я найду способ заткнуть тебе рот!

– Твоему члену теперь туда путь заказан! Понял, грязное животное?!

Я молча хватаю ее за руку и тащу на выход из конюшни к машине, раздраженный ее тоном, ругательствами, но больше всего – правдой. Усаживаю Нису на пассажирское сиденье, а сам обхожу капот. В этот момент звонит мой телефон. Когда вижу на экране имя отца, внутри взрываются еще более мощные чувства.

– Да! – отвечаю резче, чем стоило.

– Все хорошо, сын?

– Да, – отвечаю спокойнее.

– Вези младшую Фоули в аэропорт. Я буду там через два часа. Встречусь с Малоуном, и после ты посадишь их в самолет.

– Хорошо, – отвечаю коротко и сразу прерываю связь, потому что на последних буквах голос садится, а в груди снова начинает ныть.

Злость захлестывает с новой силой, и я срываю машину с места, едва завожу двигатель. За нами поднимается столп песка, закрывая обзор в зеркале заднего вида, только сейчас меня это мало волнует. Рядом сидит надувшаяся Ниса, но я даже не смотрю в ее сторону, мне достаточно чувствовать вибрации, исходящие от нее. Не знаю, на что я так сильно злюсь. Наверное, на все сразу, но, чем ближе мы к аэропорту, тем сильнее меня раздражают противоречия. С одной стороны, хочу избавиться от нее как можно скорее, а с другой – цепляюсь за нее, как за якорь.

Я съезжаю с трассы в пески, когда понимаю, что адреналин, скопившийся во мне, никуда не девается. Машину заносит, и в этот момент Ниса начинает громко смеяться. Я ожидал крика, возмущений, чего угодно, но точно не смеха. Она так заливисто хохочет, что перекрикивает мои собственные мысли. Хочется заткнуть ее, потому что этот звук действует на меня практически аномально, заставляя делать еще более крутые повороты, взбираясь на более высокие барханы. Он заставляет меня... хотеть порадовать ее, доставить удовольствие.

Поездкой по пустыне мы значительно сокращаем расстояние до аэропорта, и, когда я выезжаю на трассу, вдалеке уже можно рассмотреть его здание. Ниса резко поворачивает голову и смотрит на меня. Я чувствую, как она взглядом выжигает дыру в моем виске.

– Ты везешь меня в аэропорт? – спрашивает она, все еще задыхаясь после приступа смеха.

– Да.

– Все? Наигрался?

Обида в ее голосе мне, наверное, чудится.

– Ты ведь хотела домой. Пришло время тебя туда доставить.

– Наигрался? – переспрашивает она. – Ты не ответил на мой вопрос.

– Да, – отвечаю сухо, чтобы не вызвать в ней ни малейших сомнений.

– Какой же ты трус, Аль Мансури, – цедит она сквозь зубы. – Чертов трус!

– И в чем же моя трусость? – спрашиваю, пытаюсь придать голосу легкости.

– Ты боишься признать свои чувства.

– Какие чувства, Ниса? – усмехаюсь я. – Три ночи секса, которые тут же привели к чувствам? Ты слишком высокого мнения о своих женских способностях.

– Я же говорю: трус. Ты сам себе боишься сказать правду.

– Правда в том, что я ничего к тебе не чувствую. Мы развлеклись немного, и тебе настало время лететь домой. Не ищи большего, не надейся на развитие этих отношений, – останавливаюсь и поворачиваюсь лицом к Нисе. Смотрю ей в глаза, чтобы быть еще более убедительным. – Потому что никаких отношений между нами нет.

Она замахивается и дает мне звонкую пощечину. В ее глазах полыхает огонь ярости. Хочется сделать так, чтобы на месте этого огня в результате не осталось лишь пепелище, но это не в моей власти. Пускай найдет себе парня под стать, и он уже залечивает ее раны. Я на эту роль не гожусь. Мне некогда нянчить маленькую влюбленную дурочку, которая придумала себе красивую сказку.

Выхожу из машины и под вопли Нисы тащу ее к трапу самолета. Ей не нравится то, что я касаюсь ее, что молчу, что не смотрю на нее. А когда бросаю на нее взгляд, кричит, чтобы отвернулся. У Нисы истерика. Мне хотелось бы ее утешить, но так будет лучше. Без надежд и ожиданий. Я не могу себе это позволить.

Усаживаю ведьму на сиденье и нависаю сверху. Она на удивление замолкает и смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

– Все, что было между нами, закончилось. Просто секс и ничего больше. Ты сама об этом прекрасно знаешь, так что не додумывай то, чего нет.

– Ненавижу тебя, Омар Аль Мансури, – цедит она сквозь зубы. Я разворачиваюсь и иду на выход из частного самолета Фоули. – От всей души желаю тебе, чтобы

девушка, которую ты полюбишь всем сердцем, ненавидела тебя так же сильно, как и я! – выкрикивает она мне в спину.

Сцепив зубы, покидаю самолет, стараясь игнорировать ее слова. Жаль только, что они станут последними, которые я услышу от ведьмы Нисы.

Глава 14

Ниса

Мне хочется разнести все к чертям. И самолет этот, и страну, и Омара Аль Мансури. Он подонок и трус. И чего я от него ожидала? Чего я вообще могла ожидать от этого короткого приключения? Ведь с самого начала было ясно, что между нами не может быть никаких отношений. Тогда какого черта я сейчас схожу с ума?

Крепко сжимаю кулаки и стону практически беззвучно, чтобы стюардесса, которая крутится возле кабины пилота, меня не услышала. Но не успеваю я толком успокоиться, как в самолет так же, как меня несколько минут назад заталкивал Омар, заводят моего брата, усаживают на кресло и сваливают.

– Какого черта, Ниса? — тут же начинает рычать Мал, пристегиваясь.

Я испепеляю его взглядом, щелкая своим ремнем безопасности.

– Это я должна тебя спросить, Мал! Какого черта?! – срываюсь я.

Дайте мне только повод для драки. Да, с собственным братом, которого нежно люблю. Но сейчас во мне клокочет столько ярости, что хочется щедро ею делиться с окружающим миром. Если бы не Малоун, я бы никогда настолько близко не познакомилась с Омаром и сейчас не сходила с ума от того, что уезжаю от него. Несмотря на его обидные слова, я все равно думаю о нем как о мужчине, с которым могла бы завязать отношения.

– Ты же знаешь, что сейчас у нас сложные времена! Нахрена тебя понесло на другую сторону острова?!

– Я всегда там рисую!

– Ты знала! – снова кричит он.

– Хватит на меня орать! Ты накосячил, а теперь пытаешься на меня сбросить свою вину!

– Это еще что за хрень? – Мал хватается меня за руку и переворачивает ее так, что теперь может рассмотреть синяк на запястье. – Что это, Ниса? Что они с тобой делали?

– Ничего не делали, – чувствую, как загораются щеки, а поэтому натягиваю рукав платья сильнее, чтобы скрыть отметины, и отворачиваюсь к иллюминатору.

– Ниса, какого черта, я тебя спрашиваю? – не унимается Малоун.

– Отвали! – я выдергиваю руку из его хватки. – Лучше бы ты вообще не приезжал сюда!

– О чем ты? – хмурясь, спрашивает он, а я уже готова впасть в истерику. Кричать, требовать, чтобы меня вернули назад. Отчаяние усиливается с набором высоты. – Тебя обидели? – спрашивает Мал, смягчая тон.

– Нет! – отвечаю резко, чтобы отцепился.

– Тогда что?

– Тогда все, Мал! Мы наконец летим домой.

– Мы летим в Бахрейн, моя дорогая. А потом ты летишь домой, – со вздохом отвечает он, и внутри меня загорается дурацкая, совершенно неуместная надежда.

– А зачем в Бахрейн?

– Мне нужно забрать домой жену, – спокойно отвечает брат и откидывается затылком на подголовник кресла.

Пока он задумчиво пялится в окно, я умираю ста смертями. Все же надежда, которая еще несколько секунд назад зародилась внутри, гаснет, так и не обретя силу. Мал ни за что не позволит мне вместе с ним вернуться в Эмираты.

В Бахрейне Малоун прощается со мной и покидает самолет, а уже спустя двадцать минут я снова взлетаю в воздух. Здесь я наконец позволяю себе отпустить чувства. И, пока стюардесса занята приготовлением чая для меня, рыдаю, сжавшись в комочек на своем сиденье. Знаю, что не смогу позволить себе дома так открыто выплескивать свои эмоции, поэтому беру от этого момента все, что могу.

Я оплакиваю свое приключение, которое, как мне казалось утром, способно перерасти в нечто большее. Раздражающий, напыщенный, чрезмерно серьезный и закрытый Омар Аль Мансури пробрался мне под кожу. Я сама виновата, что допустила это, но и он мог бы остановить меня. Наверняка он, со своим опытом, прекрасно видел, что я уже на следующий день начала смотреть на него другими глазами. Точно видел! Мой кулак летит в подлокотник, а истерика разгорается с новой силой.

– Мисс Ниса, вам помочь? – участливо спрашивает стюардесса, но я отсылаю ее одним взмахом руки. – Мисс, может, воды?

– Нет, – выдавливаю из себя, заходясь рыданиями. – Оставьте меня.

Я не вижу и не слышу, как она отходит, но благодарна, что стюардесса оставила меня в покое.

Я переживу этот эпизод моей жизни. Прикладываю все усилия, чтобы убедить себя в этом. Но услужливая память – старая злобная карга – подкидывает мне все новые и новые картинки того, как я чувствовала себя рядом с Омаром. Как спокойно и тепло мне было в его объятиях. Как он криво усмехался на мои шутки. Как мы катались на лошадях. И это ощущение, когда я неслась по пустыне. Чувство свободы, которое оведало каждый волосок на голове,

запускало мурашки по шее и заставляло колени слабеть. Так я чувствую себя, когда становлюсь на доску. Словно покоряю какую-то невероятную вершину. И могу обуздать стихию, усмирить которую человеку не под силу. Но я могу. А еще вспоминаю пустыню, которая навсегда останется в моем сердце.

- Гребаная куча песка, - цежу сквозь зубы. - Ненавижу.

Ближе к посадке я умываюсь в туалете, прикладываю влажное холодное полотенце к глазам и сижу так до самого аэропорта, настраиваясь сойти с трапа прежней Нисой: беззаботной и веселой. Потому что уже завтра утром я встану на доску, и все печали пройдут, словно их и не бывало. И Омара Аль Мансури я забуду, как только ступлю на родную землю. Надо было полететь к брату в Ирландию. Посетить пару замков, выпить с Райаном не одну пинту пива, пройтись по улице, крича песни, пока не сорву голос. От отчаяния я сжимаю кулаки. Да, поездка к Райану помогла бы мне залечить душевные раны.

Я была уверена, что полностью пришла в себя и могу держать свои эмоции под контролем, но ровно до того момента, пока не вижу родителей, встречающих меня у трапа самолета. Бросаюсь к маме на шею и снова начинаю рыдать.

- Ниса, что случилось? - спрашивает папа, поглаживая мою спину. - Тебя обидели? Заид заверил меня, что тебя приняли как принцессу. Если он что-то сделал, то я...

- Все хорошо, - выдыхаю я, отстраняясь от мамы. - Я просто рада быть дома.

- У тебя такие опухшие глаза, - замечает мама, касаясь моей щеки. - Ты плакала в самолете?

- Немного. Это от облегчения. Мам, пап, можно я полечу к Райану?

- Он у нас дома, - отвечает мама. - Но разве ты не хочешь домой? Почему к Райану?

- Просто хотела погулять по Дублину.

- О, милая, придешь немного в себя, отдохнешь, а потом можешь полететь.

Изнутри меня разрывает на части. Если бы Райан сейчас тоже был здесь, я бы, наверное, затащила его в самолет и скомандовала пилоту немедленно лететь в Дублин. Конечно, я понимаю, что это невозможно, потому что подготовка к взлету обычно занимает немало времени, но помечтать-то ведь можно.

Глава 15

Омар

– Доброе утро, отец.

– Доброе, – отзывается он, закрывая ноутбук, и поднимает на меня взгляд. – Присаживайся.

Я располагаюсь в кресле напротив, осматривая кабинет отца в новом офисе.

– Здесь слишком современно, – усмехаюсь я.

– Кальян нашел свое место, а это главное, – отвечает он и встает.

Спрятав руки в карманы брюк, он поворачивается лицом к панорамному окну и смотрит на раскинувшийся у его ног город. Город, одним из хозяев которого является. Сейчас, когда мы находимся на высоте птичьего полета и я смотрю на мощную спину своего отца, то в полной мере осознаю власть, которой он обладает. Это впечатляет.

– Ты какой-то задумчивый сегодня, – произношу, становясь рядом с ним в такой же позе.

– Тебе пришло время жениться, сын, – говорит он, и я перестаю дышать. Я давно был готов к тому, что рано или поздно наступит такой момент, но прежде мне удавалось его оттягивать, а теперь, кажется, уже не отвертеться. – На девушке из хорошей семьи. Покладистой, спокойной, уважающей наши веру и традиции. На той, которая сможет сделать тебя счастливым и станет достойным партнером по жизни, каким стала для меня твоя мама.

– Я так понимаю, у тебя уже есть кто-то на примете.

– У меня уже даже есть договоренность с ее родителями.

– И кто она?

Меня это совсем не интересует. Тем более, если от меня потребуется лишь заниматься сексом с женой раз в неделю ради продолжения рода и обеспечивать ей достойную жизнь. Конечно, хочется, чтобы она оказалась красивой, и чтобы мы понимали друг друга. Почему-то вспомнилась Ниса, совершенно не к месту. У нас с ней не было никакого взаимопонимания. Между нами вообще, кроме секса, ничего не было. Но почему-то я до сих пор не могу забыть эту ведьму, хоть с нашей последней встречи и прошел не один месяц.

Через неделю после ее отъезда мне отдали ее рисунки. Я зачем-то до сих пор храню их в ящике стола в своем домашнем кабинете. На них пустыня и... я. Не знаю, зачем она рисовала меня, но сходство слишком очевидное, чтобы я мог перепутать нарисованного человека с кем-то другим. Ниса, на самом деле, невероятно талантливая художница, если даже одним черным грифелем смогла передать характер пустыни.

– Яра, – отец вырывает меня из мыслей.

– Яра? Какая Яра?

– Дочь Валида и Инас.

Мои брови съезжаются на переносице, когда я впиваюсь взглядом в отца.

– Отец, ей едва исполнилось шестнадцать.

– Я в курсе, – кивает он. – Мы должны были породниться в результате брака Амиры с Мустафой, но вышло как вышло.

– И поэтому козлом отпущения сделали меня?

- Контролируй свой тон, - строго говорит он.

- Отец...

- Омар, это не обсуждается.

- Отец, она еще ребенок! Я не прикоснусь к ней!

- Ты прекрасно знаешь, что девушка в шестнадцать уже вполне способна стать женой и родить ребенка.

- Да она еще в куклы играть должна! - я начинаю мерить шагами кабинет. - К тому же со смерти Мустафы не прошло и трех месяцев.

- Достаточно, чтобы оплакать сына-предателя, - сквозь зубы цедит отец.

- Не думаю, что Инас оправилась.

- К счастью, у нее такие же принципы, как и у ее мужа. предавший семью заслуживает смерти.

- Отец, - остановившись, снова смотрю на него, - представь себе, если бы тебе пришлось меня убить.

- Знаешь, почему я дорожу своими детьми, Омар? - Отец тоже поворачивается лицом ко мне. - Потому что я знаю, что они преданы семье. Потому что знаю, что никогда не предадут. Потому что вы не Мустафа. Этот парень всегда был немного странным.

- Ты так говоришь, потому что мы твои дети.

- Я так говорю, потому что так оно и есть, Омар. Если бы кто-то из моих детей предал семью, вряд ли он дождался бы от меня пощады.

Я молчу о предательстве Амиры. Не хочу лишний раз напоминать об этом отцу и беречь рану, которая еще не до конца зажила.

- Ваша свадьба состоится через две недели.

- Так быстро?

- Нечего затягивать. Нам нужно укреплять связи и семью. Яра родит тебе здоровых детей, наш род продолжится, а ты, уверен, воспитаешь этих детей достойными нашей фамилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orlova_ekaterina/nisa-ne-zhelannaya-zhena

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)